

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.

Безъ доставки

на годъ . . . 7 р. 50 к.

на 9 мѣсяц. . . 5 р. 75 к.

на 6 мѣсяц. . . 4 р. —

Отдѣл. номера по 20 к.

Съ доставк. и пересылкой

на годъ . . . 8 р. —

на 9 мѣсяц. . . 6 р. —

на 6 мѣсяц. . . 5 р. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

за Границею

на годъ 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ
ред. СПб. Новарской пер. д. 5, к. 11.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—СПБ.,

Надеждинская, д. 19, кв. 32.,

а также въ книж. маг. Воль-

фа, Нев., Гостиный дв. № 18.

Въ Томскѣ—въ книжномъ

магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ

Редакціи газеты «Сибирь».

Въ Омскѣ—въ книж. ма-

газинѣ Александра.

Въ Тифлисъ—въ книж.

агентствѣ Шавердова.

СОДЕРЖАНІЕ: Дикарь предъ судомъ науки и цивилизаціи.—Жизнь провинціи. С. К.—Хроника.—О конно-железной дороги отъ Енисейска къ Чулымъ. (письмо въ редакцію). М. Маркса.—Корреспонденціи.—Автобіографія С. С. Шашкова.—Бѣглецы и сибирское крестьянство. Семилужинскаго.—Хроника жизни за недѣлю.—Биржевыя извѣстія.—Объявленія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ, ИЗДАЮЩУЮСЯ БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

НА 1883 ГОДЪ.

Въ виду отдаленности нашихъ окраинъ, мы считаемъ нужнымъ объявить о подискѣ заблаговременно; характеръ изданія для читателей нашихъ, полагаемъ, въ настоящемъ году достаточно выяснился.

Программа изданія остается та же.

Изданіе посвящено Сибири, Востоку, интересамъ русскихъ окраинъ и областей.

Цѣна годовому изданію 8 руб.

Нельзя подписчики могутъ приобрести остающіеся экземпляры изданія на 1882 г. по уменьшенной цѣнѣ, а именно по 1 руб. Статьи и рукописи адресуются въ редакцію: С.-Петербургъ, Новарской переулочъ, д. № 5, кв. № 11.—Подписка принимается въ Конторѣ редакціи, Надеждинская улица, д. № 19, кв. № 32.

ДИКАРЬ ПРЕДЪ СУДОМЪ НАУКИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Новостью дня для петербургскаго общества служить пріѣздъ путешественника Н. Н. Миклухи-Маклая. Не беремъ судить, чѣмъ свѣтскіе петербуржцы интересуются въ этомъ пріѣздѣ. Желаютъ ли они разнообразить свое времяпрепровожденіе, послушаться новинокъ, создать себѣ *nouvelle du jour*, или пробудилось въ сонномъ обществѣ дѣйствительное чувство научной любознательности? Во всякомъ случаѣ залы географическаго общества, обыкновенно мало посѣщаемыя, наполнились многочисленной публикой. Для насъ явленіе путешественника и идея, которую онъ преслѣдуетъ, имѣеть особый интересъ и значеніе. Изучить міръ инородцевъ и дикарей, способствовать здравому взгляду на жизнь этой чуждой для цивилизаціи среды, разсѣять предрассудки и установить правильное къ ней отношеніе—задача эта, даже въ самыхъ скромныхъ научныхъ предѣлахъ, имѣеть огромное общественное и нравственное значеніе, если изслѣдователь искренно отдался ей съ единственной цѣлью найти истину.

Г. Миклуха-Маклай, какъ видно, принадлежитъ къ лицамъ, которые желали изслѣдовать этотъ міръ внимательно и не безъ самоотверженія. 11 лѣтъ тому назадъ, этотъ путешественникъ, еще молодымъ и полнымъ силъ, посвятилъ себя великой научной задачѣ; онъ высадился на пустынный бе-

регъ Новой Гвиней среди дикарей, гдѣ жилъ совершенно одинъ, постепенно познакомился, сблизился съ ними, узналъ ихъ жизнь, нравы, обычаи и степень умственнаго развитія. Мало того, онъ сталъ другомъ и учителемъ этихъ дѣтей природы. 11 лѣтъ жизни въ этой средѣ достаточно, чтобы обогатиться наблюденіями. Нельзя не видѣть здѣсь извѣстнаго героизма и терпѣнія.

Прежде чѣмъ познакомить съ результатами его сообщеній, мы хотимъ коснуться самой идеи изученія «дикарей» и «низшихъ расъ», какъ у насъ привыкли называть ихъ, и тѣхъ представленій, которыя существуютъ о нихъ въ такъ называемомъ образованномъ обществѣ.

Вопросъ о низшихъ расахъ и инородцахъ слишкомъ важный для человѣчества, столкновеніе расъ ознаменовывается многими печальными явленіями оно порождаетъ важныя послѣдствія и часто исчезновенія племенъ, помимо ихъ воли, поэтому оно составляетъ жгучій вопросъ цивилизаціи. Несмотря на то, что наблюденія ученаго путешественника касаются инородческихъ племенъ въ Австраліи и Новой Гвинее, въ общемъ расовомъ вопросѣ они могутъ имѣть поучительное значеніе и для насъ.

Инородческой или расовой вопросъ, важный для всѣхъ народовъ вообще, для насъ, русскихъ и жителей окраинъ, имѣеть особое значеніе. Мы непохожи на Европу, изолированную отъ инородческаго вліянія, но находимся въ про-

цессѣ историческаго и этнографическаго сосѣдства и слиянія съ инородцами. Чѣмъ выразится для насъ это сближеніе и слитіе— это вопросъ будущаго. Ревнители цивилизаціи и неприкосновенности славянской расы уже указываютъ намъ опасность пониженія расы и потери лучшихъ качествъ, пророча вырожденіе. Легко догадаться, что это выводъ изъ той же принятой теоріи о низшихъ нравственныхъ качествахъ другихъ расъ. Любопытно, однако, знать, насколько онъ подтверждается дѣйствительной наукой. Отъ взгляда на инородца и отношенія къ нему, отъ призванія его человѣческаго тождества съ нами и оцѣнки способностей зависитъ судьба его въ исторіи и самый вопросъ существованія. Понятно, какъ необходима здѣсь осторожность въ выводахъ.

Мы часто слышимъ слова и фразы о «высшихъ» и «низшихъ» расахъ, о преимуществахъ однихъ надъ другими, о поглощеніи инородческихъ племенъ, о какомъ-то непреложномъ законѣ вытѣсненія и вымиранія однихъ народностей и племенъ и о сохраненіи другихъ. Замѣчательно, что все это выдается какъ аксіомы науки, какъ дѣло рѣшенное. Но читатель вѣроятно удивится, когда узнаетъ, что все это еще не доказано наукою. О низшихъ расахъ и другихъ племенахъ мы еще слишкомъ мало знаемъ, чтобы придти къ какому-либо выводу о природныхъ качествахъ расъ, тѣмъ менѣе смѣемъ произносить смертельныя теоріи.

Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что разумѣетъ наше полубразованное общество, получающее свѣдѣнія изъ третьихъ рукъ о дикарѣ, какъ оно понимаетъ его свойства? Дикарь, по понятіямъ большинства, это нѣчто низшее, стоящее на степеніи животнаго зоологическаго существованія представитель физической силы, звѣрскихъ инстинктовъ чувственности, существо почти не одаренное денное свирѣпымъ звѣремъ, неумѣвшее какъ-бы подняться до высшей степеніи развитія и обреченное оставаться на низшей. Отсюда масса предубѣжденій и предрасудковъ, отсюда презрѣніе къ низшей расѣ и обреченіе ея на рабство и вымираніе. Таковъ приговоръ, сложившійся въ силу вѣковаго предрасудка и предубѣжденія.

Для истинной науки слово «дикарь» не имѣетъ опредѣленнаго значенія, для нея есть прежде всего человѣкъ, выдѣлившійся уже изъ области зоологическаго звѣринаго существованія, хотя и остающійся на первобытной степеніи развитія. Если сближеніе дикаря и низшей расы съ животнымъ выгодно для наблюденій біолога, зоолога, анатома, физиолога; если здѣсь допустимы аналогіи, сближенія и исканія нитей родства съ животнымъ міромъ, то эти сближенія столь же опасны и вредны для социолога¹⁾. Современная антропология, археология и этнографія, разрушая многіе прежніе взгляды, опрокидывая предрасудки, даетъ новый матеріалъ для выводовъ, причемъ устанавливается иное воззрѣніе и иное отношеніе къ дикарю, или дитѣ-человѣку.

Въ той же наукѣ, извѣстной подъ именемъ этнологіи и антропологии, гдѣ враги инородческихъ расъ старались найти матеріалъ о различіяхъ расъ, находятя другія указанія, совершенно обратныя.

Въ этой же наукѣ открывается та нить родства и сход-

¹⁾ Припомнимъ, какую службу сослужила теорія обособленія расъ въ лицѣ Агассиза, поддерживавшая право южно-американскихъ рабовладельцевъ. Это не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію людямъ, смѣло популяризирующимъ ученія о «низшихъ расахъ».

ства, которая проникаетъ всѣ человѣческія расы и племена, отъ низшей до высшей. Съ этой точки зрѣнія единства жизни и развитія, низшія расы, дикари, какъ и первобытныя народы, составляютъ не выроdkовъ и не обособленныя зоологическія особи, а цѣлое со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, болѣе близкое цивилизованному міру, чѣмъ онъ предполагалъ. Наука о человѣкѣ когда-то была въ первобытномъ состояніи. Едва поднявшіеся до образованности, греки называютъ сосѣдей варварами, одинъ народъ всегда отдѣляетъ себя отъ другого и не признаетъ родства. Европейецъ, выдѣлившійся отъ дикаря въ звѣриныхъ шкурахъ, нашелъ огромную разницу въ типѣ, привычкахъ жизни, наклонностяхъ, культурѣ, знаніяхъ племенъ инородческихъ, онъ изумился американцамъ и австралийцамъ и это дало основаніе ему заключить, что онъ встрѣтилъ особей другой породы. Люди долго отчужденные, люди различныхъ историческихъ стадій, разныхъ культуръ и цивилизацій на земномъ шарѣ, отказались найти какое либо родство и не научились понимать міросозерцаніе одинъ другого. Культура и цивилизація, развернувшаяся своеобразно, кажется странною, несообразною для другого народа, и это предубѣжденіе даетъ основаніе каждому унижать то, что онъ не понимаетъ. Если европейцу странна культура китайская, то китайцу не менѣе странна европейская. Никто не хочетъ сообразить, что при данныхъ мѣстныхъ условіяхъ жизни, каждая изъ культуръ цѣлесообразна и удовлетворяетъ своему назначенію. Если общій уровень знаній о природѣ и человѣческомъ мірѣ выше у одной націи и племени передъ другими, то это еще не доказываетъ, что сумма знаній мѣстныхъ условій жизни и своей обстановки у племени, стоящаго на болѣе низкой степеніи культуры, менѣе; въ частности, для данныхъ условій жизни, эта сумма знаній и знакомства съ мѣстною средою у дикаря иногда гораздо болѣе. Поэтому знаніе природы, средствъ обезпеченія существованія, искусства дикаря могутъ заслуживать также уваженія и удивленія, какъ проявленіе побѣды вообще человѣческаго разума надъ окружающею природою.

Мы можемъ сослаться на массу путешественниковъ, которые находили у дикарей ремесла и орудія, заслуживающія вниманія и заимствованія цивилизованнымъ человѣкомъ. Наружные признаки другихъ расъ и племенъ, цвѣтъ кожи, скулы, форма черепа (часто искусственная, деформация череповъ), вмѣстѣ съ первобытнымъ образомъ жизни, дали поводъ заключить по физическимъ различіямъ и о психическихъ качествахъ дикарей. Между тѣмъ о низшихъ способностяхъ инородцевъ у насъ разсуждаютъ также голословно и поверхностно, хотя на самомъ дѣлѣ ни краниологическія изслѣдованія, ни физиологическія наблюденія надъ мозгомъ, ни сравнительная психологія, не дали еще положительныхъ выводовъ, а также права заключать, что мозгъ дикарей менѣе способенъ къ развитію. Воспріятіе новыхъ идей дикарями и инородцами, опыты воспитанія ихъ, многія нравственныя качества доказываютъ, наоборотъ, ихъ полную способность къ умственному усовершенствованію. Примѣры тому—освобожденные негры, возрождающіеся японцы, образованные индусы. Бывали инородцы высокаго образованія и блестящихъ дарованій, какъ Рогмундъ Рай. Кровь инородца Ганнибала не помѣшала дать Россіи великаго поэта. Разница высшихъ и низшихъ по культурѣ расъ обуславливается только временемъ и мѣстностями, но не внутренними качествами человѣка. Цивилизованные на-

роды проходили всѣ стадіи развитія отъ дикаря до высшихъ ступеней цивилизаціи, и дикарю, какъ запоздавшему на пиру жизни, предстоитъ современемъ, конечно, достигнуть той же высоты умственнаго и нравственнаго развитія. Вся исторія въ томъ, что человѣчество, переживъ рядъ метаморфозъ, утерило въ своей памяти свое прошлое и пройдя путь вѣковъ, братья одной матери, встрѣтятся на открытой полянѣ исторіи, не узнали другъ друга. Пережившее вѣка человѣчество не узнало въ дикарѣ обликъ своего собственнаго дѣтства, какъ старецъ, пережившій длинный жизненный путь и забывшій перемѣны, съ нимъ происшедшія, не признаетъ свою младенческую головку въ портретной галлерей своихъ предковъ. Эти предубѣжденія къ другимъ расамъ и роковая ошибка въ понятіяхъ, однако, создали трагедію въ человѣческой исторіи, кончившуюся братоубійствомъ инородческаго Авеля. Поля Америки, Африки, Австраліи и Азіи оросились кровью непризнаннаго цвѣтнаго брата.

Современный путешественникъ въ лицѣ г. Миклухи-Маклая застаётъ еще на берегахъ Тихаго Океана это возмутительное (infâme, какъ онъ выразился) обхожденіе съ дикаремъ. До сихъ поръ несчастныхъ дѣтей природы захватываютъ въ рабство и перевозятъ на плантаціи въ свободную Австралію. Эта торговля рабами практикуется подъ видомъ разныхъ фикцій. Обхожденіе съ ними ужасное. «Убить чернаго — все равно что собаку», говоритъ путешественникъ. «Я держалъ пистолеть не противъ черныхъ, а противъ бѣлыхъ, оскорблявшихъ чернаго», прибавляетъ онъ. И въ то время, когда черныхъ морили на плантаціяхъ, въ это время создается научная теорія, проповѣдующая «вымираніе низшихъ расъ». Припомнимъ, сколько инородцевъ страдаетъ на разныхъ концахъ земнаго шара. Есть даже путешественники, которые хвастаются возмутительнымъ обхожденіемъ съ дикарями; вмѣсто изученія быта инородцевъ они раздуваютъ презрѣніе къ нимъ и совершаютъ преступное дѣло въ смыслѣ нравственномъ, растлѣвая слабые остатки человѣческой совѣсти. Среди свѣтскаго и цивилизованнаго общества можно найти ненавистниковъ низшихъ расъ и племенъ. Эти свѣтскіе и цивилизованные люди, конечно, не подозреваютъ, какая наследственная преемственность соединяетъ ихъ предубѣжденія съ понятіями тѣхъ палуасскихъ людоѣдовъ, о которыхъ говорить г. Маклай. Даже въ публикѣ предъ Миклухой-Маклаемъ слышались голоса, которые желали только найти подтвержденіе своихъ мнѣній о низкихъ качествахъ другихъ человѣческихъ племенъ.

Къ чести человѣчества не всѣ раздѣляли эти предубѣжденія; среди бѣлыхъ встрѣчались люди замѣчательнаго ума и благороднаго сердца, которые не раздѣляли насилій, но умѣли сходиться съ инородцами и имѣли на нихъ огромное нравственное вліяніе. Таковъ былъ, напримѣръ, капитанъ Смитъ, при покореніи Виргиніи, изъ врага ставшій другомъ индійцевъ *). Таковъ былъ одинъ колонистъ, оживившій дружбою и участіемъ послѣдніе дни вымиравшихъ тасманцевъ. Были люди, которые видѣли въ дикарѣ ту же человѣческую душу, тѣ же чувства, тѣ же страданія. Мы не можемъ не припомнить по этому поводу слова г. Миклухи-Маклая о его разставаньи съ берегомъ дикарей.—Жалѣли они васъ? спросили его.—Жалѣли, отвѣчалъ сдержанный Маклай, и даже плакали, сказалъ онъ за-

думчиво. Можетъ быть потрясающая грустная сцена прошла въ воспоминаніяхъ путешественника.

— Развѣ они умѣютъ плакать? спросила наивная петербургская дама-слушательница.

— Да, умѣютъ! сказалъ Маклай, но за то рѣдко смѣются. Этотъ отвѣтъ рисуетъ цѣлую драмму инородческой души *).

Современная наука не можетъ нынѣ разсматривать дикаря и низшія расы, какъ только съ гуманной, общечеловѣческой точки зрѣнія. Массы новыхъ наблюденій открываютъ въ дикарѣ тотъ же человѣческій міръ. Такъ называемыя низшія расы и другія племена есть только часть того же единаго великаго цѣлаго—«человѣчества», *grande humanité*. Эта идея родства и единства современемъ еще болѣе озаритъ исторію и философію жизни и укажетъ великій нравственный законъ, по которому дитя-человѣкъ, дикарь и инородецъ, заслуживаетъ не униженія, вражды и истребленія, но состраданія, сочувствія, помощи и воспріятія въ полноправную среду человѣческаго братства.

Будетъ время—исчезнутъ предрасудки и суевѣрія, сами собою падутъ теоріи «вымиранія и вырожденія» и, къ чести бѣлой цивилизаціи, восторжествуетъ законъ гуманизма, равенства и всеобъемлющей человѣческой любви.

ЖИЗНЬ ПРОВИНЦІЙ.

(Письмо второе).

Въ первой замѣткѣ своей (№ 20) я указалъ, какія условія необходимы для того, чтобы силы провинціи могли правильно развиваться. Теперь укажу на отношеніе у насъ къ этимъ условіямъ лицъ, «имущихъ власть вязать и разрѣшать».

Я уже говорилъ, что главнымъ общественнымъ современнымъ явленіемъ въ Кіевѣ, и вообще въ Малороссіи, слѣдуетъ считать направленіе, извѣстное подъ именемъ украинофильства, проявляющееся въ настоящее время, главнымъ образомъ, въ разработкѣ мѣстнаго языка, литературы, мѣстной исторіи, этнографіи и географіи. Какое же отношеніе къ себѣ встрѣчаетъ эта дѣятельность и, вообще, украинофильство?

Читателямъ, можетъ быть, извѣстно, что въ числѣ прочихъ мѣръ, направленныхъ въ 1876 году противъ украинофильства, нашли необходимымъ закрыть въ Кіевѣ мѣстный отдѣлъ императорскаго географическаго общества. Этой мѣрой мѣстные изслѣдователи были лишены возможности опубликовать массу этнографическаго и всякаго другаго матеріала, оставшагося въ рукописяхъ и прежде находившаго себѣ мѣсто въ «Запискахъ» отдѣла. Съ тѣхъ поръ надолго затормажена всякая мѣстная инициатива въ дѣлахъ общественной пользы. Обыватели совершенно отвыкли отъ мысли о возможности общественнаго почина. «У насъ, батюшка, нельзя этого. Мы, вѣдь, живемъ, слава тебѣ Богу, въ Кіевѣ. Здѣсь во всемъ заподозрять польскую или украинофильскую интригу и, кромѣ личныхъ непріятностей, ничего отъ пред-

*) Намъ невольно вспомнились тѣ странные вопросы, которые досель задаются даже въ современныхъ программахъ для изученія дикарей; напримѣръ: «Любятъ-ли они дѣтей». «Есть-ли у нихъ чувство стыда». (См. Инструкцію Монтегаццо и Летурно). Вопросы эти ясно показываютъ сомнѣніе въ человѣческихъ свойствахъ.

пріятія и ожидать нельзя». И это говорится по поводу предложенія организовать, напимѣрь, общество потребителей, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и не только говорится, но и служить непреодолимымъ препятствіемъ всякому благому начинанію. Лица, нежелающія рисковать своимъ положеніемъ, ушли въ свои специальности и «замалчиваютъ» всякій вызовъ на общественную дѣятельность, несмотря на то, что ихъ участіе было бы наиболѣе желательно для успѣха дѣла, какъ людей свѣдущихъ, серьезныхъ, честныхъ и трудолюбивыхъ. Неупотребленіе какого-нибудь органа ведетъ понемногу къ его атрофіи; такъ и здѣсь: атрофируются способности къ общественной дѣятельности и самая потребность въ ней. Въмѣсто настоящей, живой общественной дѣятельности, появляется ея суррогатъ—мертворожденная, официозная quasi-общественная дѣятельность, въ родѣ разныхъ обществъ классической филологіи и педагогики, улучшенія народнаго труда и т. п. Къ подобнымъ же явленіямъ прійдется, вѣроятно, отнести и организующееся въ официальныхъ сферахъ Кіева общество, въ родѣ комитета грамотности, если только оно осуществится. Предполагать въ немъ именно такой характеръ я имѣю достаточно основаній. Самое главное изъ нихъ—отсутствіе въ числѣ его предпринимателей того элемента, который былъ бы наиболѣе активнымъ и полезнымъ въ дѣлѣ народно-образовательнаго характера; затѣмъ, какой-то секретный способъ веденія дѣла и безучастное отношеніе къ нему самихъ предпринимателей: болѣе года прошло, какъ объ исходѣ ходатайства, обо всемъ этомъ дѣлѣ ни слуху, ни духу.

Болѣе года тянулись у насъ и хлопоты одного кружка преподавателей, съ профессоромъ нашего университета во главѣ, о разрѣшеніи народныхъ чтеній. Чтенія, наконецъ, разрѣшены и два изъ нихъ прошли уже благополучно; оба были изъ чтеній Солянаго городка, на великорусскомъ языкѣ. Вопросъ о чтеніяхъ на малорусскомъ языкѣ и не возникалъ въ кружкѣ, а предложеніе—вносить въ чтенія мѣстный элементъ и предложеніе чтенія о Богданѣ Хмельницкомъ встрѣтили даже не совсѣмъ благосклонный пріемъ. Надо замѣтить, что мы наканунѣ открытія въ Кіевѣ памятника этому малорусскому герою, такъ что отклоненіе предложенія чтенія о немъ со стороны лица наиболѣе въ этомъ компетентнаго становится очень страннымъ. Развѣ опять встрѣтишься съ объясненіемъ: «помилуйте, да вѣдь это въ Кіевѣ!».

Но поразительнѣе того, чѣмъ окончилось у насъ ходатайство нѣсколькихъ кіевлянъ о разрѣшеніи открытія школы имени Шевченка, ничего себѣ и представить нельзя. Ходатайствовали: бывшій помощникъ попечителя кіевского учебнаго округа, одинъ изъ мѣстныхъ профессоровъ и нѣкоторые другія болѣе или менѣе видныя лица изъ мѣстныхъ обывателей. Ходатайство ихъ не уважено. Но дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время одинъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ сдѣлалъ предложеніе о желаніи обывателей села Кирилówki, гдѣ жилъ Шевченко, а теперь живутъ его родные, имѣть у себя школу имени поэта. Представленіе это имѣло своимъ результатомъ внезапную отставку, чуть не въ 24 часа, злополучнаго инспектора. Вотъ и ревнуй послѣ этого объ исправномъ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей; вотъ и служи дѣлу народнаго образованія! Инспекторъ народныхъ училищъ теряетъ мѣсто за то, что, по обязанности инспектора, сдѣлалъ представленіе о желаніи обывателей

имѣть школу имени великаго поэта! Да, но, вѣдь, поэтъ этотъ—Шевченко, истый украинецъ и—украинофилъ, сказали бы теперь.

Такъ вотъ въ какія условія поставлена жизнь въ нашей провинціи въ то время, когда чувствуется такая потребность въ усиленной работѣ на поприщѣ мѣстныхъ нуждъ, для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей; когда есть и силы, и готовность работать на этомъ поприщѣ, какъ это доказываютъ всякія попытки мѣстной интеллигенціи быть полезной своей мѣстности, своему краю. Не ясно ли послѣ этого, что первое необходимое условіе для того, чтобы провинція жила, а не влчила свое существованіе,—это хоть какая-нибудь свобода провинціальной дѣятельности, общественной инициативы; свобода, въ свою очередь, возможная только при измѣненіи нѣкоторыхъ общихъ условій нашей жизни. С. К.

Настоящая статья, рисующая жизнь одной части русскихъ областей, наводитъ на различныя размышленія по поводу условій пробужденія вообще жизни въ областяхъ. Мы видимъ, что на Украинѣ и въ Малороссіи сформировались опредѣленные стремленія, отчасти нѣсколько выдѣляющіяся отъ типа великорусскихъ областей, отчасти сходныя. Если у украинофиловъ, на Кавказѣ, въ остзейскихъ провинціяхъ, является стремленіе создать свой языкъ, свою школу, свой театръ и т. д., то это обуславливается ихъ этнографическою особенностью и нѣкоторымъ различіемъ народнаго языка. Но намъ кажется, что тѣ же потребности существуютъ и у другихъ областей, вызываемыя не столько разницею областной жизни, сколько общеобразовательными потребностями. Распространеніе знаній и просвѣщенія, созданіе этнографическаго изученія, мѣстныя изслѣдованія, даже развитіе областного театра, составляетъ насущную потребность всѣхъ областей. Эта потребность все болѣе чувствуется. Возьмемъ наши окраины. Несмотря на огромныя разстоянія и затрудненія выписывать книжки, въ Сибири нельзя отпечатать ни одного буквари, не пославъ его въ цензуру въ Петербургъ. Типографское дѣло развивается, но типографіи печатаютъ ярлыки на водки; Вятка, славящаяся типографіями, не отличается ничѣмъ отъ провинцій, гдѣ станокъ Гуттенберга и не появлялся. Мѣстное сочиненіе должно пройти сквозь мѣстную цензуру, поэтому провинція не имѣетъ творчества—оно срѣзано въ зародышѣ. Театральныя пьесы изъ мѣстной жизни, какъ, напимѣрь, было недавно въ Томскѣ, пропущенныя театральной цензурой, не пропускаются полиціимейстеромъ, потому что здѣсь выведены мѣстные тузы, у которыхъ Сквозникъ-Дмухановскій закусываетъ. Взамѣнъ того театръ угощаетъ публику пьесами рѣшительно до мѣстной жизни не относящимися. Представьте себѣ, что въ Сибири осмѣиваютъ на сценѣ адвокатовъ, а эта область еще и новаго суда въ жизни не видала; изображаютъ мировыхъ судей, а она и понятія не имѣетъ о таковыхъ; выводятъ желѣзнодорожниковъ, крахи банковъ и т. п. и все это съ обличительной стороны. Публика все принимаетъ, и новые суды, и адвокатовъ, и желѣзныя дороги за такія явленія, отъ которыхъ должно отрециваться. Такая критика и обличенія, имѣя поучительное значеніе въ столицахъ, теряютъ всякій смыслъ въ отдаленныхъ областяхъ. Публика смотритъ эти пьесы изъ столичной жизни, или изъ жизни внутреннихъ губерній, какъ испанскую

драму, какъ Клару д'Обервиль, Венеціанскую актрису и проч. Какое значеніе получаетъ при этомъ театр? Другое дѣло, если бы въ провинціи появилась своя жизнь и свое творчество. Тогда мѣстные пороки, недостатки, общество увидѣло какъ-бы въ зеркалѣ въ создавшемся мѣстномъ театрѣ. Сибирь увидѣла бы своихъ золотопромышленниковъ, своихъ монополистовъ, своихъ Кондратовъ на сценѣ. То же самое и съ литературой. Провинціалъ понялъ бы тогда, что театр, литература, школа и букварь имѣютъ тѣсное отношеніе къ его жизни, что это не праздная забава, но смыслъ жизни, соль ея, орудія цивилизаціи, то, чѣмъ оно облагораживается, возвышается и очищается отъ грѣховъ своихъ. Въ русской провинціи, естественно, въ моментъ сознанія можетъ возникнуть вопросъ: можетъ ли одинъ Сквозникъ-Дмухановскій замѣнить собою ту нравственную и духовную жизнь, которую создаетъ само себѣ общество въ своемъ непосредственномъ проявленіи и высшемъ сознаніи своихъ общечеловѣческихъ стремленій?

ХРОНИКА.

Въ послѣднее время, въ связи съ соединеніемъ водныхъ бассейновъ по Сибири, Камско-Обскаго и Обско-Енисейскаго, а также дальнѣйшаго сообщенія до Восточнаго океана, явился вопросъ объ изслѣдованіи Ангары и устраненіи препятствій на порогахъ; опъ возникъ, какъ послѣдствіе изысканій по пути Фунтусова экспедицій Сиденсера и Амипова.

Новыя изысканія сдѣланы отъ К^о Курбатова и Игнатова и обращаютъ на себя особое вниманіе. Нашъ корреспондентъ получилъ свѣдѣнія отъ самого изслѣдователя, г. Калистратова. Мы даемъ мѣсто имъ, какъ представляющимъ особенный интересъ для тѣхъ, кто слѣдитъ за этимъ вопросомъ. Г. Калистратовъ русскій американецъ изъ Ситхи, онъ 12 лѣтъ плавалъ по Восточному океану и другимъ морямъ, участвовалъ въ семи экспедиціяхъ и 11 лѣтъ служилъ капитаномъ на пароходахъ Курбатова и Игнатовыхъ. Изслѣдованіе Ангары Калистратовъ началъ съ Иркутска, откуда отплылъ онъ 3 мая 1882 г. (вверхъ по рѣкѣ) на 3-хъ павозкахъ (полубарка), принадлежащихъ г. Пашковскому; онъ придрѣлалъ къ павозкамъ морскіе паруса и лавировалъ противъ вѣтра. Первый порогъ на Ангарѣ начинается отъ села Братско-Острожнаго черезъ 14 верстъ; когда стали поднимать къ нему, захвативши съ собою 2-хъ лоцмановъ изъ крестьянъ Братско-Острожнаго села, то эти лоцманы наговорили столько ужаснаго про пороги, что рабочіе отказались идти дальше и Калистратовъ принужденъ былъ бросить павозки и съ его храбрѣйшими рабочими и однимъ лоцманомъ поплылъ черезъ первый порогъ, называвшійся „Пьянымъ“, затѣмъ переплылъ и второй порогъ, черезъ 4 версты отъ перваго, называющійся „Похмѣльнымъ“. Плаваніе черезъ эти пороги, простирающіеся $\frac{1}{2}$ версты, Калистратовъ совершилъ совершенно благополучно и, сдѣлавъ въ нихъ промѣры во время плаванія, нашель, что наименьшая глубина въ порогахъ 4 фута, волненіе въ нихъ незначительно, но шумъ оглушительный, слышенъ за 5 версты, что и пугало мѣстныхъ жителей и прежнихъ изслѣдователей, заставляя ихъ отказываться отъ переправы черезъ эти пороги; фарватеръ обоихъ пороговъ прямой и не можетъ затруднить пароходовъ; сила теченія въ порогахъ отъ 10 до 12 верстъ въ часъ. Проѣхавши эти два порога, Калистратовъ съ своими спутниками черезъ 40 верстъ отъ нихъ вступилъ и переплылъ третій и самый ужасный порогъ, „Падунъ“, имѣющій силу теченія 14 верстъ (въ 1 часъ, разумѣется) и простирающійся на одну версту; фарватеръ передъ этимъ порогомъ мелкій и каменистый, для удобства пароходовъ его нужно будетъ очистить динамитомъ. Тотчасъ за этимъ порогомъ Калистратовъ благополучно переплылъ пороги „Долгій“, „Шаманскій“ и 25 остальныхъ мелкихъ. Въ „Долгомъ“ и „Шаманскомъ“ порогахъ очень крупный валъ: вода поднимается противъ теченія на 1 сажень. Прошедши все пороги, Калистратовъ продолжалъ, изслѣдуя рѣку, плаваніе до г. Енисейска, куда и прибылъ на 18-е сутки отъ начала

плаванія. Въ результатъ своихъ изслѣдованій В. В. Калистратовъ приходитъ къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ 8¹⁾ экспедиціямъ для изслѣдованія Ангары, находившимъ, что Ангара, по причинѣ ея пороговъ, совсѣмъ негодна для пароходства. Калистратовъ находитъ, что если очистить динамитомъ нѣкоторые входы въ пороги, что вполнѣ возможно, то Ангара будетъ большою судоходною рѣкой. Ангара впадаетъ въ Енисей, а рѣку Енисей можно соединить съ р. Кетью или другой, Чулымомъ, впадающими въ р. Обь—соединить пришлось-бы на разстояніи 140 верстъ и, какъ думаетъ Калистратовъ, лучше всего желѣзною, или конно-желѣзною дорогой; правительство предполагаетъ на этомъ мѣстѣ вырыть каналъ; но по мнѣнію Калистратова проведеніе канала будетъ стоить много милліоновъ и затянетъ дѣло лѣтъ на 10-ть, почему удобнѣе соединеніе конно-желѣзною дорогой. Такъ, если соединить Енисей съ Кетью или съ Чулымомъ на разстояніи 140 верстъ, и если въ слѣдующемъ году будетъ построена желѣзная дорога, какъ предполагалось, отъ Екатеринбургa до Тюмени, тогда изъ Петербурга до Иркутска можно будетъ проѣхать не нанимая почтовыхъ, и Калистратовъ утверждаетъ, что тогда рейсы на пароходахъ, отъ Тюмени до Иркутска, считая тутъ же и пересадку и проѣздъ 140 верстъ по конкѣ, будетъ совершаться въ 20 дней. Когда Калистратовъ представилъ результаты своихъ изслѣдованій своимъ хозяевамъ, то компанія „Курбатова, Игнатовыхъ, Сибирикова и Губкина“ рѣшилась взяться за дѣло устроенія пароходства по Ангарѣ, и съ слѣдующей же весны отправить специально снаряженный для этой цѣли пароходъ во 100 силъ подъ управленіемъ Калистратова, для подробнѣйшаго изслѣдованія Ангары и для начатія пробныхъ рейсовъ отъ Иркутска до Енисейска и обратно. На эту пробу компаніи придется затратить, по мнѣнію Калистратова, до 200 тысячъ рублей. Компанія, если удадутся ея опыты, намѣрена тотчасъ же просить у правительства привилегіи и заняться устройствомъ правильнаго пароходства по Ангарѣ и Енисею. Вѣроятно она будетъ просить правительственной поддержки для очищенія динамитомъ фарватера нѣкоторыхъ пороговъ и для постройки конно-желѣзной дороги между Енисеемъ и Кетью или Чулымомъ. Компанія предложила и иркутскимъ милліонерамъ участвовать своими капиталами и трудомъ въ этомъ родномъ и близкомъ для нихъ дѣлѣ. Но иркутскіе граждане, не видя прямой, близкой и огромной наживы отъ этого дѣла, отказали компаніи во всякой помощи. Объ общемъ видѣ рѣки Ангары Калистратовъ говоритъ, что онъ не видалъ въ Россіи рѣки прекраснѣе Ангары, общая ширина ея 1 верста, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 3 версты, направленіе прямое; грунтъ каменистый, по берегамъ вѣковые корабельные лѣса, встрѣчается много русскихъ селъ, вблизи береговъ находится во множествѣ алебастръ, въ селеніяхъ Калистратовъ находилъ бахчи съ арбузами и табачныя плантаціи; на рѣкѣ попадались огромными стаями гуси, лебеди и другая водяная птица, и очень мало боялись лодокъ съ людьми, всегда подпуская ихъ на выстрѣлъ. Одно, на что было тяжело смотрѣть путешественникамъ по Ангарѣ—были плоты съ бездольными, едва прикрытыми тряпьемъ бродягами, которые очень часто встрѣчались по Ангарѣ и на своихъ плотахъ сотнями гибли въ ея порогахъ: при Калистратовѣ перевернуло плотъ съ 6 бродягами, 5 изъ нихъ погибли, одинъ спасся и на слѣдующій день Калистратовъ видѣлъ его плывущимъ одиноко на плоту. Окрестное населеніе очень равнодушно относится къ гибели бродягъ и на удивленіе Кал—ова по этому поводу крестьяне оправдывались тѣмъ, что „ужь очень много ихъ, т.-е. бродягъ, теперь здѣсь шляется“.

Кал—овъ на своихъ павозкахъ подъ косыми парусами лавировалъ по Ангарѣ противъ вѣтра, что весьма удивляло прибрежное населеніе, которое толпами сбѣгалось смотрѣть на путешественниковъ и называло его лодку съ парусами малымъ пароходомъ. А въ Иркутскѣ,

¹⁾ Надо замѣтить, что Братско-Острожное волостное правленіе, которое свидѣтельствовало и записывало паспорта всехъ 8 начальниковъ прежнихъ экспедицій, при пропискѣ паспорта Калистратова заподозрило, что онъ иностранецъ—американецъ и хотѣлъ устроить, чтобы по Ангарѣ ходили не русскіе, а американскіе пароходы. Благодаря такому отношенію къ экспедиціи волостнаго начальства, окрестные прибрежные крестьяне смотрѣли на Калистратова подозрительно и далеко недружелюбно.

когда Кал—овъ строить свои суда для изслѣдованія рѣки, Иркутскіе граждане приходили на пристань и съ провинціальной развязностью громко разсуждали и, по невѣжеству своему, осуждали его, какъ большаго чудака, осмѣливающагося думать пройти на лодкахъ пороги Ангара, чѣмъ, по словамъ Кал—ова, граждане очень стѣсняли и мѣшали ему въ постройкѣ; онъ едва могъ найти рабочихъ ѣхать съ нимъ, такъ всѣ были напуганы страшными разсказами о порогахъ.

Въ Иркутскѣ Кал—овъ познакомился съ другимъ изслѣдователемъ Ангара, совершавшимъ свою экспедицію по порученію генералъ-губернатора Анучина раньше Калистратова и снабженнаго большими средствами: его встрѣчали засѣдатели съ выгнаннымъ ими народомъ. Чиновникъ особыхъ порученій Соловьевъ нашелъ Ангара никуда негодной для судоходства, и, хотя онъ производилъ на ней изслѣдованія силы теченія и промѣры, но оказался весьма мало компетентнымъ относительно пріемовъ для сколько-нибудь разумнаго изслѣдованія силы теченія и промѣровъ.

Калистратовъ думаетъ, что Ангара не трудно было бы соединить также и съ р. Леной чрезъ впадающую въ Ангару р. Илимъ.

Въ Петербургѣ отпраздновали юбилей Фонвизинскаго „Недоросля“. Есть извѣстіе изъ Москвы, что и тамъ праздновали его. Можетъ быть будутъ таковыя извѣстія изъ другихъ немногихъ городовъ, но тѣмъ вѣроятнѣе и кончится. Изъ остальной провинціи, т.-е. изъ самой большой части русскаго государства, нечего ждать извѣстій.

А праздникъ интеллигентныхъ людей вещь хорошая и здоровая; онъ прерываетъ нашу сѣрую жизнь и ея томительную скуку. Праздники человѣческаго ума поэтизируютъ жизнь, они показываютъ, что общественная и государственная жизнь не заключается въ однихъ докладныхъ запискахъ, проектахъ и инструкціяхъ, а есть и другая дѣятельность; что кромѣ обыкновенныхъ наградъ есть еще другого рода чествованія. Эти праздники говорятъ намъ, что мы работаемъ для будущаго, какъ и юбиляръ когда-то поработалъ для нашего времени. Такіе праздники вливаютъ въ сердца людей увѣренность, что эта другого рода дѣятельность не бесплодна, что она разчистила тернистый путь, и что мы, благодаря работникамъ, сошедшимъ уже въ могилу, все же лучше себя чувствуемъ и легче работаемъ.

Но всѣ такіе праздники есть удѣлъ только однихъ столицъ. Для провинцій это запретный плодъ; особенно же глухо и скучно тянется, безъ общественныхъ радостей, жизнь въ Сибири. Былъ на Западѣ, напримѣръ, большой праздникъ—открытие памятника Пушкину; въ Сибири хоть бы ёкнулось въ это время. Сибирскій юбилей праздновали въ Петербургѣ, а въ Сибири празднованіе было не разрѣшено. Мы за все время, какъ себя начали помнить, можемъ указать только на одинъ юбилей, отпразднованный въ Сибири—это Ломоносовскій праздникъ, въ 60-хъ годахъ; его отпраздновали въ Иркутскѣ, и затѣмъ можно еще, пожалуй, указать на одно общественное торжество, совершившееся въ Сибири—это закладку университета въ Томскѣ. Тутъ дѣйствительно были моменты, трогавшіе чувство.

Есть еще въ Петербургѣ амурскіе обѣды. Но эти обѣды— свиданія старыхъ сослуживцевъ и не имѣютъ никакого серьезнаго общественнаго смысла. Подобныя чиновничьи сборища не рѣдкость. На такихъ обѣдахъ, правда, можно устроить карьеру или поддерживать свои связи въ видахъ на будущее, но больше ничего. Нельзя не пожелать, чтобы наступающее трехсотлѣтіе обновило Сибирь общественнымъ торжествомъ.

Съ 29 сентября въ Петербургѣ началъ доклады въ Императорскомъ географическ. обществѣ извѣстный путешественникъ Н. Н. Миклуха-Маклай. Помимо удовлетворенія празднаго петербургскаго любопытства, чтенія его могутъ представить огромный интересъ, такъ какъ они касаются жизни и нравовъ такъ называемыхъ „некультурныхъ расъ“, хотя и австралійскихъ. Весьма любопытно будетъ слышать мнѣніе автора объ этихъ дѣтяхъ природы, дикаряхъ, о которыхъ доселѣ разсказываются только басни. Въ инородческомъ вопросѣ есть два лагера: одни отрицаютъ всякую будущность другихъ расъ неевропейскаго типа и пророчатъ имъ вымираніе, отнимаютъ у нихъ способности къ культурѣ; другіе смотрятъ на дикарей, какъ на извѣстную стадію развитія и открываютъ въ дикарѣ тѣ же человѣческія черты и чувства, присущія бѣлымъ. Впечатлѣніе, которое вынесли мы изъ чтенія Миклухи-Маклая и изъ личнаго знакомства, даетъ право заключить,

что онъ составляетъ рѣдкое исключеніе изъ прочихъ путешественниковъ, и долгое наблюденіе не только не заставило его относиться къ дѣтямъ природы съ отвращеніемъ, но возбудило многія серьезныя мысли и самое терпимое, гуманное отношеніе.

Намъ пишутъ изъ Сибири: Перемены въ губернской администраціи служащихъ въ городахъ и уѣздахъ при томъ огромномъ довѣрїи, какимъ они снабжаются, и всевластіе, которымъ пользуются, возбуждаютъ весьма многіе толки и составляютъ насущный интересъ дня. Въ одной губерніи весьма часты перемены, и не къ лучшему. Недавно однимъ падишахомъ „правая рука“ замѣнена другой „правой рукой“, причемъ первая правая рука была безъ клея, а вторая съ клеемъ. Четыре исправнѣйшихъ исправника, которымъ оказано было безусловное довѣріе, удалились, очистивъ вѣренныя имъ округа чисте пуху. Но вотъ удивительно—что не смѣна, то хуже. Въмѣсто К. появляется Б..., а Б. извѣстенъ наживой съ инородцевъ, съ которыхъ имѣлъ доходу по 10,000 р. въ годъ. Уволенъ полиціймейстеръ Д. за то, что, говорятъ, оказалъ прїѣзжему генералу больше предпочтенія, чѣмъ своему, но вмѣсто него явился Ч—. Этотъ Ч. ознаменовалъ себя слѣдующимъ. Въ городъ призваны извозчики и въ базарный день продержаны въ полиціи нѣсколько часовъ для надлежащихъ инструкцій; переписаны швецъ въ городъ, и нищія обязаны взять свидѣтельство съ платой на занятія. Началась борьба съ проституціей съ такою ловкостью, что все, что было явнаго, сдѣлалось теперь тайнымъ, и городъ въ сущности не выигралъ. Все это образцы распорядительности, которою пускается пылъ въ глаза, чтобы послѣ разчистить себѣ дорогу и безопасно начать наживу. Это уже не разъ повторилось. Въ самомъ дѣлѣ, кто эти „censore mores“ въ сибирскихъ городахъ? Квартальные, люди полицейскихъ каталажекъ, люди рукопашныхъ расправъ, грубые циники, и сами люди низкихъ нравовъ. Они то вторгаются въ семьи мѣщанъ, вытребываютъ бѣдныхъ сиротъ для доказательства ихъ цѣломудрія. Вѣдь это дѣло скорѣе цѣлыхъ санитарныхъ комитетовъ, которые могли бы дѣйствовать разумнѣе и деликатнѣе, не оскорбляя нравовъ. Но въ Сибири не то бываетъ. Въ Ишимскомъ округѣ по деревнямъ былъ однажды отданъ приказъ акушеркамъ вытребовать крестьянскихъ дѣвушекъ въ каждой деревнѣ. Что задумываться? Осмотрѣть все населеніе! Это произвело въ патриархальныхъ крестьянскихъ семьяхъ панику. Но вотъ что за то проходило безнаказанно. Были покушенія со стороны исправниковъ на молодыхъ и невинныхъ учительницъ школъ. Возбуждались скандалы, но они тушились, ибо только *censore mores* могутъ возбуждать дѣла и вѣдать нравы.

Намъ пишутъ изъ Томска, что мѣщанка Б., у которой производились обыски приставомъ Астафьевымъ, была неправильно задержана. Мѣстный прокуроръ возбудилъ дѣло о превышеніи власти приставомъ и незаконныхъ дѣйствійхъ. Потерявшая же возбудила искъ объ убыткахъ. Сколько бы подобныхъ дѣлъ обнаружилось при гласномъ судѣ.

Въ „Недѣлю“ изъ Ялуторовска, Тобольской губерніи, сообщаютъ, что ссыльный офицеръ Горталовъ 23 мая сдѣлалъ ложный доносъ на псаломщика собора Пергунова, заключающійся въ томъ, что онъ отзывался нечестливо о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ правительства. (Подумаешь, какъ заинтересовано правительство въ этомъ мнѣніи!) По этому поводу Пергуновъ былъ заключенъ въ тюрьму. Доносъ оказался однако ложнымъ и псаломщикъ былъ выпущенъ по телеграммѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Горталовъ же остался безнаказаннымъ и бываетъ въ клубѣ. Что ссыльные жулики живутъ въ Сибири шантажемъ и доносами, что они приняты въ клубахъ, что они способны на всякое преступленіе, это не рѣдкость. Вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли имъ оказывать довѣріе. А между тѣмъ эти лица часто берутъ въ Сибири должности и пользуются благоволеніемъ начальства.

Корреспондентъ изъ Омска въ „Новое Время“ изображаетъ печальное положеніе чиновниковъ главнаго управленія Западной Сибири, оставшихся за штатомъ. Надо замѣтить, однако, что въ этомъ случаѣ всѣ заштатные получаютъ годовое жалованье. Упраздненіе проектировано давно, штатъ чиновниковъ далеко не такъ огроменъ,

чтобы можно было опасаться, что они останутся безъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что въ Омскѣ масса канцелярій. Другой авторъ въ той же газетѣ проектируетъ упраздненіе по частямъ, постепенно. Но осуществимо ли это при какой бы то ни было реформѣ? Корреспонденція производитъ однако такое впечатлѣніе, что существуютъ опасенія какъ бы не усилились кражи и грабежи. Намъ кажется, опасенія эти преувеличены. При годовомъ жалованьи и со стороны титулярныхъ совѣтниковъ? Развѣ это мыслимо? Все обойдется спокойно!

О КОННО-ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГѢ ОТЪ ЕНИСЕЙСКА КЪ ЧУЛЫМУ.

(Письмо въ Редакцію изъ Енисейска).

Еще во времена существованія сибирскаго округа путей сообщенія было проектировано нѣсколько способовъ соединить каналами бассейны Оби и Енисея, но все это только «*кладко было на бумагу*». Осуществленіе этихъ проектовъ оказалось или вполнѣ невозможнымъ, или очень затруднительнымъ и требующимъ огромныхъ непосильныхъ затратъ, или наконецъ совершенно бесполезнымъ. Соединеніе Чулыма съ Енисеемъ на югѣ, тамъ гдѣ они сближаются почти на двадцативерстное разстояніе, въ странѣ плодородной и густонаселенной, на половинѣ почтовой дороги изъ Ачинска въ Минусинскъ, среди отраслей Саянскаго хребта, при огромнѣйшей разницѣ уровней руслъ обѣихъ рѣкъ, сказывается поэтической мечтою, прекрасною, но практически неисполнимою. Тымъ и Сымъ, текущіе въ сѣверной части енисейскаго округа, по низменной, тундристой, неспособной къ земледѣлю и совсѣмъ почти ненаселенной равнинѣ, по соединеніи своемъ не принесли бы рѣшительно никакой пользы для страны ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, какъ бы блистательно ни представлять послѣднее въ своемъ воображеніи. Между этими двумя противоположностями невольно бросается въ глаза предложенное енисейцемъ П. Е. Фунтосовымъ соединеніе Кети (пр. Оби) съ Касомъ (пр. Енисея), представляющее большихъ затрудненій въ техническомъ отношеніи, но удерживающее, хотя далеко въ низшей степени, всѣ неудобства обѣихъ сказанныхъ. Рѣчки Озерная, Ломоватая, Язевая и Малый-Касъ узки, мелки, маловодны, требуютъ расчистки, выпрямленія, расширенія, углубленія и, по причинѣ маловодія и неодинаковости уровней, шлюзовъ и питательныхъ бассейновъ. Касъ, даже при своемъ устьѣ, представляетъ значительныя мели; а сама Кеть, неотличающаяся шириною, со своими болотистыми берегами, безчисленными изгибами и поворотами, иногда очень крутыми, со множествомъ ежегодно вновь образующихся косъ и отмелей, какъ у береговъ, такъ и въ самомъ руслѣ, очень неблагонадежна, какъ это фактически подтвердилось нынѣшнею же весною. Если притомъ припомнить, что вся эта система протягивается на 260 верстѣ по странѣ неспособной къ земледѣлю и совсѣмъ ненаселенной теперь, хотя могущей населиться въ будущемъ, но только очень отдаленномъ, времени; то едва ли можно признать и въ проектѣ П. Е. Фунтосова условія, достаточно удовлетворяющія потребностямъ страны въ расширеніи путей сообщенія, такъ сильно дающимъ чувствовать себя сибирякамъ.

И вотъ, какъ будто предчувствуя измѣну избранной имъ Кети, самъ же П. Е. Фунтосовъ истекшею зимою высласть

партію тунгусовъ изъ села Чалбышева, въ 70 верстахъ отъ Енисейска по староачинской дорогѣ (прежнему почтовому тракту), для осмотра мѣстности между этимъ селомъ и ближайшимъ селеніемъ на Чулымѣ. Послѣдствія этой рекогносцировки не дали никакихъ замѣчательныхъ результатовъ, и потому В. М. Харченко предпринялъ весною нынѣшняго года, сейчасъ же по вскрытіи рѣкъ и стаянн снѣговъ, экспедицію съ тою же цѣлью и тѣмъ же путемъ. По его приглашенію я сопутствовалъ ему въ качествѣ инженера и топографа, и мы пѣшкомъ съ геодезическими инструментами въ рукахъ и съ мѣсячнымъ провіантомъ на подводахъ, 19 мая выступили изъ Енисейска по староачинскому тракту, измѣряя какъ длину, такъ и направленіе его съ одного значительнаго поворота на другой, и дѣлая лѣвння просѣки въ мѣстахъ небольшихъ изгибовъ. Недошедши еще до села Чалбышева, въ деревнѣ Подгорной, мы узнали, что многіе изъ тамошнихъ крестьянъ имѣютъ пашни у береговъ Кети и знаютъ мѣста, удобныя для переправы черезъ нее; поэтому, оставя телеги и навьюча 5 лошадей, мы сошли съ дороги, направились на ЗЮЗ, и, хотя проводники наши неоднократно сбивались съ пути, по которому удобнѣе было бы направиться, 8 іюня достигли мы Мелетскаго на Чулымѣ, и здѣсь-то узнали, что пароходъ, буксировавшій 3 баржи, вошедши въ Кеть 17 мая, прибылъ 4 іюня въ деревню Ворожейкину только съ одною, оставивши двѣ въ Максимоярскѣ, т.-е. въ 56 верстахъ ниже впаденія р. Озерной, гдѣ предполагалось начало Кети-Касской системы.

9-го былъ произведенъ осмотръ береговъ Чулыма и выборъ удобной пристани на немъ, а 10-го іюня экспедиція наша окончила свои работы, и въ лодкѣ по Чулыму и Кем-дугу, а потомъ на лошадяхъ по староачинскому тракту, 14-го числа возвратилась въ Енисейскъ.

Вотъ результаты нашего похода и произведенныхъ нами измѣреній и изслѣдованій.

А) Прямая, проведенная отъ пристани на Енисей, ввиду г. Енисейска, у устья р. Пестеревки, къ пристани на Чулымѣ ниже селенія Мелетскаго, у озера Полуустнаго, длиною въ 161 версту 370 саж., проходитъ по мѣстамъ удобнымъ для постройки соединительной конно-желѣзной дороги.

Б) Направленіе этой прямой, выходя изъ Енисейска, при отклоненіи магнитной стрѣлки на $9^{\circ} 31'$ къ востоку, идетъ подъ $43\frac{1}{2}^{\circ}$ отъ магнитнаго, и на 53° отъ географическаго меридіана къ югозападу.

В) Для удобства переправы чрезъ Кеть, и для обхода береговыхъ ея озеръ и болотъ, нужно будетъ сдѣлать отклоненія отъ прямой, могущія удлинить путь, на незначительное впрочемъ число верстѣ.

Г) Стоимость версты такой дороги, при несмѣтномъ количествѣ превосходнаго лѣснаго матеріала (напр. лиственницы—*Larix sibirica* D. C.), никакъ не превзойдетъ 13,000 р. Полагая въ ней даже 170 верстѣ, вся затрата на ея устройство будетъ только 2,210,000 р., а съ подвижнымъ инвентаремъ—3 милліона рублей.

Да позволено намъ будетъ сравнить водное сообщеніе Оби и Енисея чрезъ Кеть и Касъ съ проектируемымъ В. М. Харченко сухопутнымъ конно-желѣзнымъ.

1) Чулымъ глубокъ, широкъ и ниже озера Полуустнаго, за исключеніемъ единственной мели, которую можно обойти при самой малой водѣ, не представляетъ никакихъ препят-

ствій для хода самыхъ большихъ и глубоко сидящихъ пароходовъ. Не такова болотистая и заносимая мелями и косами Кеть. Казусъ нынѣшняго года слишкомъ краснорѣчивъ.

2) Верховья Чулыма хлѣбородны и густо населены. Конно-желѣзная дорога оживила бы эту страну и развила бы въ ней земледѣліе удобствомъ сбыта на пристань, лежащую ниже по теченію рѣки. Кеть течетъ по болотистымъ, бесплоднымъ и малонаселеннымъ мѣстностямъ, а соединительная система ея идетъ по странѣ, отодвинутой къ сѣверу и совершенно безлюдной.

3) Вѣсь провозимаго груза по конно-желѣзной дорогѣ можетъ быть произвольно увеличенъ усиленіемъ подвижнаго ремонта. По каналу же могутъ ходить только небольшія, неглубоко сидящія, а слѣдовательно и съ незначительнымъ грузомъ суда.

4) Быстрота сообщенія по дорогѣ (въ 170 верстѣ) опредѣленная, скорая и равномѣрная; по р. Кети и 260-верстной системѣ съ узкимъ ходомъ и шлюзами—продолжительная и чрезвычайно медленная.

5) Время службы дороги—круглый годъ; канала же—никакъ не болѣе 3½ мѣсяцевъ; наконецъ,

6) Затрата на дорогу=3 милліон., а на каналъ 8 милліоновъ!

Этихъ указаній кажется достаточно для обсужденія дѣла съ надлежащей точки зрѣнія.

Будемъ однако же откровенны и скажемъ, что и конно-желѣзная дорога, при всѣхъ своихъ преимуществахъ, будетъ полезна только подъ условіемъ, что на Ангарѣ будутъ взорваны пороги, — тогда только ожидаетъ ее блистательная будущность. Для Енисейска же и для всей Енисейской губерніи дорога эта, а тѣмъ болѣе каналъ, и роскошь не по средствамъ, и тяжесть не по силамъ!

М. Маркъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Иркутскъ, 1-го августа (корреспонд. «Восточн. Обозрѣнія»). Молодые люди, получившіе въ нынѣшнемъ году аттестаты зрѣлости въ здѣшней гимназій, всѣ уѣхали въ Россію, слушать медицину. То же сдѣлало и большинство молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ прошедшемъ году. Стремленіе изучать медицинскія науки, такимъ образомъ, оказывается преобладающимъ въ нашей молодежи. Судя по этому можно думать, что и въ будущемъ сибирскомъ университетѣ большинство слушателей будетъ посвящать себя также медицинѣ.

Медицина—очень полезная наука. Но физическіе недуги,—не единственное зло, отъ котораго страдаетъ современное человѣчество, а социальныя бѣдствія не излечиваются медициной. Не меньшую, если не большую пользу могутъ приносить и другія отрасли знаній. Когда-то было сказано, что цифры управляютъ міромъ; въ настоящее время можно сказать, что благосостояніе человѣческихъ обществъ зависитъ отъ развитія социальныхъ знаній. Медицина—только подчиненный факторъ, и дѣятели ея, за исключеніемъ двигающихъ впередъ науку,—только второстепенные дѣятели въ общественномъ организмѣ. Но и помимо желанія приносить пользу человѣчеству, есть много обстоятельствъ, которыя могли бы побуждать нашу молодость къ изученію не одной только медицины. Человѣкъ съ честолюбіемъ и увѣренностью въ себѣ скорѣе пойдетъ на юридическій факультетъ, въ надеждѣ, если не сдѣлается мини-

стромъ,—куда ужъ! хотя плохъ тотъ солдатъ, который не надѣется сдѣлаться генераломъ,—то во всякомъ случаѣ быть полезнымъ и вліятельнымъ общественнымъ дѣятелемъ въ своей странѣ. Люди, жаждущіе знанія и личнаго умственнаго развитія, пойдутъ на историко-филологическій или физико-математическій факультеты. Предстоящее открытіе сибирскаго университета открываетъ имъ и надежду на профессуру на своей родинѣ,—занятіе столько же полезное, сколько и почетное.

Поэтому стремленіе нашей молодежи исключительно къ изученію медицины возбуждаетъ невольное недоумѣніе. Дѣйствительно ли она побуждается только желаніемъ приносить пользу страждущему человѣчеству. Не заразилась ли наша молодежь меркантильнымъ направленіемъ вѣка, стремленіемъ къ наживѣ, и, забывъ великую истину, что человѣкъ долженъ быть сытъ не однимъ хлѣбомъ, не ищетъ ли она въ медицинской карьерѣ только вѣрнаго средства удовлетворить этому стремленію? Или не слѣдствіе ли это недостатка подготовки, слабости умственнаго развитія, не позволяющей ни принимать важности другихъ знаній, ни надѣяться на успѣхъ въ нихъ?

А недостатокъ серьезныхъ знаній и необходимость въ нихъ ощущаются здѣсь на каждомъ шагу. Возьмемъ официальныхъ попечителей и печальниковъ о нашихъ судьбахъ,—дѣятелей коронной службы. Число лицъ съ высшимъ образованіемъ между ними ничтожно. Но и въ средѣ ихъ едва ли найдутся такіе, которые соединили бы съ серьезными научными знаніями свѣтлый и глубокий взглядъ на вещи. Они до сихъ поръ еще думаютъ раздробить крестьянскія земли на постоянные подворные участки, или сбытъ поскорѣе свободныя государственныя земли въ частныя руки, чтобы образовать въ странѣ несуществующій и ни къ чему ненужный классъ частныхъ землевладѣльцевъ. Нѣкоторые настаиваютъ на необходимости обращенія всѣхъ натуральныхъ повинностей въ денежные, независимо отъ обстоятельствъ. До нихъ, какъ видно, не дошли ни послѣдніе выводы науки, ни указанія опыта. Большинство же неспособно заниматься и такими задачами; оно стоитъ на точкѣ пониманія, въ родѣ той, что «правительство по принципу преслѣдуетъ всякія секты»,—какъ сообщалось въ какой-то корреспонденціи,—и дѣйствуетъ сообразно съ такимъ пониманіемъ. Страна кишитъ экономическими и общественными вопросами, а наши казенные дѣльцы хлопочатъ только о распложеніи полицейскихъ, да придумываютъ форменные наряды для гимназистовъ.

Городовое Положеніе 1870 г. вызвало наши города къ новой жизни, но оно возложило на нихъ и серьезныя обязанности. Заботы о санитарномъ состояніи городовъ, о народномъ просвѣщеніи, общественной благотворительности, экономическомъ благосостояніи населенія,—требуютъ неазбучныхъ знаній. Но наше городское самоуправленіе, несмотря на вѣншее преобразование его, до сихъ поръ еще покоится на старыхъ началахъ. До сихъ поръ еще стараются выбрать въ городскіе головы или богатаго, или тароватаго, который любилъ бы и умѣлъ ублажать начальство, а въ сотрудники ему,—людей, которыми онъ могъ бы распоряжаться, какъ своими лакеями. Едва ли кто нибудь изъ нынѣшнихъ дѣятелей городской управы читалъ городское положеніе, да и прочесть его имъ довольно трудно, потому что большинство ихъ читаетъ чуть не по складамъ, съ удареніемъ на о, произнося вездѣ ѵ вмѣсто е и латинское h вмѣсто г. Подобныя же грамоты выбираются и въ распорядители воспитательныхъ и благотворительныхъ заведеній. Вслѣдствіе такого отсутствія даже элементарныхъ знаній, городскія дѣла представляютъ верхъ безобразія. Въ городскихъ постройкахъ безпрестанно открываются безпорядки. Только что выстроенныя или капитально исправленныя зданія требуютъ ежегоднаго ремонта

(въ казармахъ, напримѣръ, каждое лѣто перебираются полы). Въ недостроенныхъ зданіяхъ показываются трещины. Нѣсколько лѣтъ эту должность исправлялъ одинъ изъ коронныхъ архитекторовъ; имъ были недовольны, и совершенно справедливо, потому что болѣе лѣниваго человѣка трудно отыскать на свѣтѣ. Наконецъ его смѣнили. Преемникъ его вообразилъ себя какимъ-то распорядителемъ не только строительной части въ управѣ, но и всей управы,—смѣнили и его. Новый, еще юноша, казалось бы, неопытный въ житейскихъ дѣлахъ, выказалъ такую опытность по денежной части, что поспѣшили распрощаться и съ нимъ. Теперь архитектурствуетъ въ городѣ старикъ, оставившій коронную службу за выслугой полнаго пенсіоннаго срока. Лучшаго не ищутъ, да здѣсь и не найдутъ. Въ Томскѣ, черезъ два мѣсяца послѣ пожаровъ, уже былъ готовъ и одобренъ думой новый городской планъ. У насъ дѣло о новомъ планѣ тянется чуть ли не полстолѣтіе. Дума еще въ 1873 году утвердила черновой проектный планъ; осталось только перерисовать его на-бѣло. Дѣло это, благодаря архитектору, затянулось до пожаровъ 1879 г. Послѣ пожаровъ дума придумала новыя измѣненія въ планѣ; послѣ того она еще нѣсколько разъ настаивала на скорѣйшемъ окончаніи плана, и сочиняла въ немъ разныя перемѣны. А городъ все строился то по старому, то по новому плану, и теперь представляетъ странную смѣсь. Теперь какой-то аферистъ выпрашиваетъ за составленіе плана 2,200 р. съ тѣмъ, чтобы кончить его въ девять мѣсяцевъ. Старикъ архитекторъ, повидимому, за это дѣло не берется, или не считаетъ его своею обязанностью. А дума и безъ того уже переплатила за планъ проценты денегъ. Такъ идетъ у насъ простѣйшая, самая доступная для всѣхъ часть городского дѣла—строительная. Можно судить по этому объ остальныхъ. Но о нихъ—когда нибудь послѣ.

Здѣшній отдѣлъ географическаго общества страдаетъ недостаткомъ и дѣятелей, и строго обдуманнаго плана для дѣятельности. Несмотря на множество социальныхъ мѣстныхъ вопросовъ, требующихъ научной разработки, оно занято почти исключительно геологическими изслѣдованіями. Судьба забросила сюда специалистовъ по этой части, и отдѣлъ пользуется ими. Но и тутъ еще идутъ споры о томъ, должны ли поступать въ отдѣлъ результаты геологическихъ трудовъ, предпринятыхъ по его порученію. Давно уже была представлена въ отдѣлъ обширная программа статистико-экономическаго изслѣдованія золотыхъ приисковъ. Программа эта, за неимѣніемъ специалистовъ, была въ свое время принята къ свѣдѣнію, а теперь уже забыта. Въ 1879 г. было предложено изслѣдованіе сельской общины. Программа его была сообщена и членамъ отдѣла, и постороннимъ лицамъ, но на нее отозвались только нѣкоторые топографы, исполнявшіе это дѣло по приказанію начальства. Составленные ими свѣдѣнія отличались полнымъ незнакомствомъ съ дѣломъ. Больше никто имъ не занялся. Правда, одинъ изъ членовъ отдѣла, занимающійся сельскою общиною сопомоге, собралъ-было свѣдѣнія о ближайшей къ нему общинѣ; но для пополненія этихъ свѣдѣній понадобилось дѣлать справки въ волостномъ правленіи; просматривать дѣла волостнаго правленія мѣстное начальство ему не позволило (должно быть, въ нихъ заключались важныя государственныя тайны), а поддержки въ отдѣлѣ членъ его не встрѣтилъ. Между тѣмъ, дѣлами отдѣла заправляютъ интеллигентнѣйшіе люди въ городѣ.

Управленіе общества пособія учащимся также состоитъ изъ мѣстной интеллигенціи, однако оно не умѣетъ даже составить сметы своихъ расходовъ. Въ эту смету неволиѣ включается именно то, для чего общество существуетъ,—именно расходы на пособія учащимся. Значитъ, если бы оно строго держа-

лось сметы, то многіе учащіеся вовсе не могли бы получить пособія. На этотъ разъ, къ счастью,—здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, смета сама по себѣ, а расходы сами по себѣ, и общество дѣлаетъ что можетъ. Но въ немъ не замѣтно стремленія къ болѣе широкой и разнообразной дѣятельности,—напримѣръ, организаціи медицинской помощи бѣднымъ учащимся, присканію имъ даровыхъ или дешевыхъ квартиръ и т. п.

Куда ни помотришь—ездѣ приходится сожалѣть, что наша молодежь желаетъ посвящать себя почти исключительно медицинѣ¹⁾.

Боготолъ (корресп. «Восточн. Обозр.»). Обрадовались-было боготолцы назначенію земскаго засѣдателя изъ такого большого города какъ Кіевъ, прямо въ Боготолъ; въ полной увѣренности, что коль-скоро изъ такого далѣка вызываютъ чиновника, то, по всей вѣроятности, это человѣкъ испытанной честности и опытности. Горько ошиблись боготолцы! Г. Соболевскій придумалъ такую самобытную систему обогащенія. Предварительно собравъ свѣдѣнія, кто и чѣмъ изъ живущихъ въ участкѣ богатъ и, сообразуясь съ недостатками каждаго, г. Соболевскій обращается къ намѣченному лицу съ просьбой дать займы только до полученія жалованья. Вотъ уже другой годъ, а онъ все до полученія жалованья беретъ займы: деньги, скотъ, товаръ и всякую всячину. И все только до жалованья. Одинъ священникъ (села С.) попался на эту удочку и далъ ему сто рублей. У одного изъ крупныхъ торговцевъ скотомъ взялъ онъ двѣ коровы въ займы; у жителя боготольскаго К. тарантасъ; у крестьянина П. Н. Б. 75 рублей; на просьбы возвратить деньги заимодавцы получаютъ въ отвѣтъ одно: «не получалъ еще жалованья, нечѣмъ отдать».

У морозовскаго прикащика Б. забрано деньгами и товарами до 80-ти рублей; у боготольскаго торговца Ю. сумма забора округлилась и съ привозомъ ирбитскихъ товаровъ перевалила за 100; у всякаго торговца, самаго даже мелкаго, хоть 10 рублей, да взято въ займы. Но всего искуснѣе куплена лошадь якобы за 130 р. с. Лошадь продавалъ старообрядецъ деревни Новоподзорной, какъ на грѣхъ неимѣвшій никакого дѣла съ судомъ и мужичокъ довольно крѣпкій; отъ предложенія подождать до жалованья, мужичокъ отказался; къ счастью для покупателя тамъ же живетъ полякъ Бржезинскій, человѣкъ довѣрчивый, но небогатый; его-то Соболевскій и упросилъ, изъ своихъ послѣднихъ, заплатить за коня 130 рублей до полученія жалованья. Прошло полгода, а объ уплатѣ ни помину. Другой способъ эксплуатаціи чужихъ кошельковъ—лоттеи, которыхъ Соболевскій въ теченіи года устроилъ уже четыре. Разъ онъ разыгрывалъ какой-то рваный полушубокъ, потомъ нигде негодную кошеву, потомъ изношенное дѣтское пальтишко. Сейчас идетъ продажа лоттерейныхъ билетовъ на какое-то ружье, вывезенное имъ изъ Кіева. Для Боготолы это слишкомъ грандіозная лоттерея; поэтому подписной листъ возится по участку. Далѣе, говорятъ, будутъ разыграны вывезенныя изъ Кіева собаки, штукъ двѣнадцать. Билеты безцеремонно навязываются.

Бійскъ (корресп. «Вост. Обозр.»). Бійскъ мало по-малу обстроивается, что, однако, не мѣшаетъ ему быть попрежнему грязнымъ городишкомъ. Впрочемъ, относительно чистоты и осушенія болотъ со вступленіемъ въ должность новаго городского головы, Морозова, приняты нѣкоторыя мѣры. Такъ напр., проведены отъ горы къ

¹⁾ Сочувствуя вмѣстѣ съ авторомъ болѣе разностороннему приобритенію знаній сибирской молодежью, мы должны замѣтить, что стремленіе къ медицинѣ не такъ въ ней велико, какъ кажется. По послѣднимъ свѣдѣніямъ въ Петербургѣ въ 1878-79 г. было сибиряковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 177, изъ нихъ въ университетахъ 44, въ медицинской академіи 23.

рѣкѣ Бѣ двѣ канавы, построена также новая каланча въ форштатской части города, куда отдѣлена часть пожарной команды.

Изъ построекъ въ городѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе домъ викарнаго архіерея, въ настоящее время почти уже оконченный. Домъ построенъ на одномъ изъ самыхъ лучшихъ мѣсть въ городѣ. При немъ отведено управою мѣсто чуть-ли не въ половину квадратной версты. И куда бы, кажется, иноку такія палаты и столько мѣста? А домъ-то, домъ-то какой!.. комнаты считай десятками, а сколько воздуха, простора въ этомъ замкѣ—уста нѣмѣютъ! И все это устроено частью на городскія средства, частью на деньги, пожертвованныя здѣшнимъ купечествомъ. Бѣйцы начинаютъ однако тяготиться этими расходами и это многіе сознаютъ уже и теперь.

Содержаніе въ Бѣйскѣ съ каждымъ годомъ дорожаетъ, несмотря на удовлетворительные урожаи. Для поясненія сказаннаго привожу сравнительную таблицу базарныхъ цѣнъ за послѣдніе три года:

	За пудъ пшенич. муки	за пудъ ржан. муки	за пудъ масла	за пудъ мяса
1880 г.	до 35 к.	до 25 к.	до 5 р.	до 1 р. 40 к.
1881 г.	— 45 к.	— 30 к.	— 5 р. 50 к.	— 2 р. > >
1882 г.	— 60 к.	— 35 к.	— 6 р. 50 к.	— 3 р. 20 к.

Если сравнить съ тѣми цѣнами, какія существовали четыре года тому назадъ, то разница выйдетъ весьма значительная. Возьмемъ 1878 годъ.

	Пшенич. мука	ржаная мука.	масло.	масо.
	20 к.	14 к.	3 р. 50 к.	60 к.

Урожай нынѣшняго года въ округѣ, какъ слышно, весьма удовлетворительны. Впрочемъ, нѣкоторыя мѣстности пострадали отъ небывалой величины града (въ куриное яйцо).

Укр. *Борохузиръ* (Семирѣченской области) (корресп. «Вост. Обозр.»). Укрѣпленіе Борохузиръ и относящійся къ нему поселокъ Голубевскій въ настоящее время, послѣ передачи г. Кульджи китайскому правительству, становится мѣстнымъ пунктомъ военнаго и гражданскаго управленія, а также и торговли. Вотъ почему семирѣковъ живо интересуется вопросомъ о томъ, займетъ ли онъ современемъ такое же положеніе, какое занималъ г. Кульджа въ торговомъ и административномъ отношеніяхъ? Относительно этого вопроса ходятъ очень разнорѣчивые толки; одни говорятъ, что Борохузиръ будетъ уѣзднымъ городомъ; другіе утверждаютъ, что городъ будетъ на р. Усекѣ, въ 12 верстахъ отъ Борохузиря, гдѣ уже образовалось небольшое населеніе изъ таранчей, дунганъ и русскихъ и даже раздаются мѣста на условіяхъ городского Положенія; нѣкоторые думаютъ, что оставшаяся за нами часть Кульджинскаго района будетъ раздѣлена между Вѣрненскимъ и Кональскимъ уѣздами и что никакого города ни въ Борохузирѣ, ни на Усекѣ не будетъ; наконецъ, военные предсказываютъ, что хотя Кульджа фактически передана китайцамъ, все-таки она не сегодня—завтра непременно очутится въ «нашихъ» рукахъ. Китайцы—говорятъ они—недолго проживутъ миролюбиво съ оставшеюся въ Кульджѣ частью таранчинскаго и дунганскаго населенія; живо возникнетъ между ними вражда, за нею—рѣзня... вотъ и предлогъ для нашего вмѣшательства! Посылаются награды, ордена, повышенія, а также подъемныя, прогонныя, фуражныя, суточные, раціоны да пособія...

Но «оставимъ астрономамъ доказывать», и отъ золотыхъ мечтаний обратимся къ нашей сѣрой будничной жизни. Есть у насъ одноклассное приходское училище, существующее съ 1879 года. На содержаніе училища отпускается около 1,000 руб. Помѣщается оно въ общественномъ зданіи, которое въ педагогическомъ отноше-

ніи никуда не годно, а въ гигиеническомъ, для здоровья учащихся, безусловно вредно. Въ маленькой библиотекѣ этого училища имѣется около 300 названій книгъ, преимущественно для дѣтскаго чтенія. Но, представьте себѣ, читатель: въ немъ нѣтъ ни единой ариеметикъ! Случай, какъ слышно, не единственный въ Туркестанскомъ краѣ. На просьбу учителя этого училища снабдить школу ариеметикою, начальство прислало кнпы разныхъ «Слѣпушкиныхъ», «Мальчиковъ съ пальчикъ», «Коньковъ-горбунковъ» и пр.

Новый нашъ батюшка, пріѣхавшій изъ Волынской губерніи началъ съ того, что пересталъ ходить къ прихожанамъ въ дома съ молитвою предъ Рождествомъ Христовымъ и Свѣтлымъ Воскресеньемъ, а также и въ дни самыхъ праздниковъ... Во-первыхъ, «сапоги дороже стоятъ, чѣмъ выручка за молитву» говорить, а во-вторыхъ: прихожане, когда бы и куда бы ни заглянуть, всегда и вездѣ пьянствуютъ и безчинствуютъ. Бракосочетаніе у нашего батюшки стоитъ отъ 15 до 75 руб., а погребеніе отъ 5 до 20 р. Бѣдный человекъ хоть не женись совсѣмъ!

Вѣрный (корресп. «Восточн. Обозрѣн.»). Какъ примѣръ того, что у нашей думы значить «единогласно», привожу слѣдующій случай. Городскимъ архитекторомъ у насъ служить по найму нѣкто г. Серебрянниковъ; своей бездѣятельностью и придирками онъ заслужилъ общее неудовольствіе, но держится на мѣстѣ, благодаря покровительству секретари думы г. Судовскаго, который въ пользу его составляетъ думскіе журналы яко-бы подписанные «единогласно», на самомъ же дѣлѣ устроивается это такъ: журналъ во время засѣданія не подписывается, собираются же подписи по домамъ на другой и даже на третій день, причемъ пользуются то безграмотностью, то убѣжденіями и подговорами, чтобы набрать побольше голосовъ въ свою сторону. Привожу заявленіе 15 гласныхъ (всего въ думѣ гласныхъ 66), поданное 5 августа 1882 г. и подтверждающее мои слова:

«Когда управа докладывала думѣ прошеніе архитектора Серебрянникова, въ которомъ онъ писалъ, что служить три года по найму, а теперь желаетъ поступить въ службу по городскому общественному управленію съ правами государственной службы (ст. 114 прим. 2 гор. пол.), городской секретарь не доложилъ думѣ законы о порядкѣ замѣщенія должности городского архитектора, именно: ст. 65, 73 гор. пол. и циркуляръ министра внутрен. дѣлъ отъ 27 ноября 1871 года, по силѣ которыхъ городской архитекторъ есть должностное лицо и замѣщается на должность не-премѣнно закрытою подачею голосовъ—баллотировкою шарами. Этотъ важный законъ не соблюденъ и постановленіе думы оказывается незаконнымъ (ст. 9 гор. пол.), вслѣдствіе чего управа не должна бы приводить это незаконное постановленіе въ исполненіе, а представить о томъ вновь думѣ (ст. 80 гор. пол.). — Когда шелъ въ думѣ этотъ вопросъ о Серебрянниковѣ, многіе гласные встали со своихъ мѣсть и открыто заявили, что имѣть его на службѣ не желаютъ, причемъ были высказаны и причины, побуждающія ихъ на этомъ настаивать; остальные гласные воздержались отъ выраженія неудовольствія на Серебрянникова, но ждали законной баллотировки, на которой конечно Серебрянниковъ прошелъ бы на черныхъ. Но на открытый протестъ многіхъ гласныхъ не обращено вниманія, какъ будто его и не бывало; закрытая законная баллотировка отклонена, а она была обязательна по закону (ст. 65 гор. пол.) и не зависѣла отъ усмотрѣнія; на гласныхъ старались подѣйствовать разными убѣжденіями не противиться принятію Серебрянникова на службу; въ журналѣ думы написали: «единогласно» постановили, когда не было и «половиногласно»; подписи собирались на-завтра

по одиночкѣ, причѣмъ волей-неволей подписывались и тѣ, которые при закрытой баллотировкѣ положили бы черные; набравъ законенное число подписей, остальныхъ уже не спрашивали, и отослали журналъ къ губернатору; такимъ образомъ «протащили» Серебрянникова на службу по городскому управленію съ правами государственной службы, въ прямое нарушение положительнаго закона о выборѣ должностныхъ лицъ закрытою подачею голосовъ. Поэтому, и на основаніи ст. 58 и 60 гор. пол., мы покорнѣйше просимъ о немедленномъ созваніи думы» и проч.

Оттуда-же намъ пишутъ: 14 августа пзъ Вѣрнаго отправились въ Кульджу почти всѣ китайцы, жившіе въ Вѣрномъ. Говорятъ, что никто ихъ не вынуждаетъ, а зовутъ родственники. Приходили они къ и. д. Семирѣченскаго губернатора поблагодарить за пятнадцатилѣтнее гостепріимство со стороны русскихъ. Осталось въ Вѣрномъ не болѣе четырехъ семействъ.

АВТОБІОГРАФІЯ С. С. ШАШКОВА.

II.

Родныхъ отца было мало, всѣ они жили по деревнямъ, версть за 150 отъ Иркутска, и въ городѣ бывали рѣдко. Дѣдъ—пономарь села Кутуликъ, одинъ дядя былъ дьячкомъ въ Черемховой, другой, помнится, въ Кимильтеѣ, а младшій, веселый гуляка и поэтъ, пѣсни котораго распѣвались крестьянами, пономаремъ въ Кутуликѣ. Всѣ они страшно пили; первый въ пьяномъ видѣ какъ-то угодилъ брюхомъ на рога разъяреннаго быка и тотчасъ же умеръ; второй умеръ отъ водки; какъ кончилъ третій—не знаю. Всѣ они пріѣзжали въ городъ только по дѣламъ, большею частію «на послушаніе за неблагоповеденіе», а однажды второй дядя явился въ Иркутскъ тятаться съ исправникомъ, который, несмотря на дьяческій санъ, высѣкъ его плетми. Онъ не только не получилъ удовольренія, но ему же и досталось за «строптивость». Помню еще, какъ дяди учились въ Иркутскѣ. Рѣшено было, не знаю, синодомъ или архіереемъ, «для вящшаго благолѣпія богослуженія» открыть причетническую школу и, собирая поочередно со всей епархіи дьячковъ и пономарей, переучить ихъ какъ слѣдуетъ пѣнію, чтенію и катихизису. Бородатыхъ, брюхастыхъ, даже сѣдыхъ дьячковъ заставили, какъ школьниковъ, долбить «Начатки», оставяль безъ обѣда за плохое знаніе урока, однакожь не сѣкли. Кромѣ дядей, у меня были въ Кутуликѣ еще двѣ тетки, одна замужемъ за крестьяниномъ изъ ссыльныхъ, но я ихъ почти вовсе не зналъ.

Мой отецъ былъ настоящій артистъ, хорошо игралъ на скрипкѣ, віолончели, гитарѣ и фортепьяно, имѣлъ превосходный теноръ, отлично пѣлъ, былъ даже композиторомъ. Къ тому же онъ представлялъ изъ себя рѣдкое между тогдашнимъ духовенствомъ явленіе по своей начитанности, былъ хорошо знакомъ съ литературой, слѣдилъ за журналами. Въ молодости онъ писалъ даже недурные стихи. Наконецъ, это былъ человѣкъ добрый, хотя и вспыльчивый, глубоко честный, гнушавшійся всякаго ханья; онъ былъ неспособенъ къ интригѣ и сознавалъ свое достоинство въ отношеніи къ благопопечительному начальству. Такой-то натурѣ пришлось вынести 14-ти-лѣтнюю каторгу иркутской бурсы 20—30 годовъ, когда бурсаковъ, случалось, буквально засѣкали до смерти, когда ихъ пороли среди двора, подъ колоколомъ, бывшимъ въ

это время набать, когда смотритель училища Шергинъ, недовольствуясь розгами, ходилъ съ кнутомъ въ рукахъ, бичуя попадавшихъ ему бурсаковъ, а другой смотритель, фамилію котораго я забылъ, находилъ превеликое наслажденіе въ томъ, что сѣкъ воспитанниковъ по утрамъ въ койкахъ, еще сонныхъ и полусонныхъ! Впрочемъ, многихъ лишеній и страданій отецъ избавился въ качествѣ пѣвчаго, а потомъ регента архіерейскаго хора, которымъ онъ сдѣлался еще задолго до окончанія имъ курса (1838 г.). По выходѣ изъ семинаріи, онъ немедленно женился и, оставаясь регентомъ въ продолженіи 20-ти лѣтъ, былъ священникомъ въ соборѣ. Онъ былъ въ хорошихъ, хотя и совершенно подчиненныхъ отношеніяхъ къ архіепископу Нилу, любителю и знатоку, правда весьма поверхностному, наукъ и искусствъ. Отецъ былъ еще законоучителемъ въ канцелярскомъ, т.-е. въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, и учителемъ пѣнія въ дѣвичьемъ институтѣ; но главными его занятіями были все-таки музыка и архіерейскій хоръ, которымъ онъ прославился по всей Сибири, о немъ говорили даже въ Москвѣ. Но эта слава дорого доставалась несчастнымъ пѣвчимъ: малѣйшая фальшь выводила отца изъ себя, онъ рвалъ пѣвчимъ уши, рвалъ волосы, щелкалъ, щипалъ, билъ по головѣ смычкомъ, или камертономъ и, случалось, проламывалъ—такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ—головы. Все это онъ, не стѣсняясь, выдѣлывалъ и въ пѣвческой и въ церкви, гдѣ онъ въ трудныхъ мѣстахъ становился обыкновенно задомъ къ алтарю, а лицомъ къ пѣвчимъ, и дирижировалъ обѣими руками, засучивъ рукава рясы и отмѣчая камертономъ на пѣвческихъ головахъ ошибки. Когда въ Иркутскъ пріѣхали ревизоры-сенаторы и пришли въ церковь, отцовскій хоръ поразилъ ихъ своимъ пѣніемъ, а мать рассказывала мнѣ, что, стоя за обѣдней, она все боялась, какъ бы отецъ въ артистическомъ экстазѣ не выткнулъ кому глазъ пучками лучины, которыми онъ на этотъ разъ дирижировалъ, держа ихъ въ обѣихъ рукахъ.

Какъ ни увлекался отецъ своимъ искусствомъ, но его положеніе далеко не удовлетворяло его и ряса тѣснила человѣка, которому слѣдовало быть опернымъ пѣвцомъ. Пѣвческая жизнь пріучила его пить, а въ окружавшемъ его обществѣ царили такія пьянство, грубое невѣжество, варварство, что человѣку хоть съ какими-нибудь благородными наклонностями оставалось одно—спиться же. Селифонтьевна, Миллеръ, Сивковъ, Колодезниковъ были вовсе не исключительными явленіями, въ духовенствѣ же пьянство было поголовнымъ, и рѣдкимъ феноменомъ былъ человѣкъ, который бы не пилъ или пилъ не до безобразія. Для характеристики тогдашнихъ нравовъ, которые, кажется, свято блюдутся въ Сибири даже до сегодня, скажу здѣсь о личностяхъ, среди которыхъ вращался отецъ.

Каедральный протопопъ былъ извѣстенъ всему городу просто подъ именемъ Ф., а бурята, которыхъ онъ усердно обращалъ въ христіанство, не имѣя звука *фи*, замѣняя его по обыкновенію звукомъ *и*, величали своего просвѣтителя *Портунашкой*. Старикъ лѣтъ 70, Ф. былъ еще довольно крѣпокъ и могъ перепить кого угодно. По случаю своихъ и моей матери именинъ, отецъ устраивалъ обыкновенно два пира, одинъ такъ сказать открытый, для всѣхъ гостей, а другой назавтра, приватный и секретный, для Ф. и архіерейскаго духовника, монаха В. Не только постороннихъ никого не было, но даже всѣ мы, домашніе, кромѣ одного отца, держались обыкновенно въ заднихъ комнатахъ, хотя и видѣли, что творилось въ пріемной. Когда гости пріѣз-

жали послѣ литургіи, имъ подавали чай съ ромомъ, потомъ закуску съ водкой, которой они осушали графина два, потомъ обѣдъ, длившійся очень долго, потомъ опять пуншъ, такъ что къ 4 часамъ наши гости были уже готовы и начинались хлопоты о доставкѣ ихъ домой — Ф. . . . на его собственной лошади, а В. . . . на отцовской. Они еще выпивали «на дорожку», и затѣмъ ихъ, смотря по обстоятельствамъ, выводили или выносили и укладывали въ сани, увѣщевая кучеровъ везти бережно. Лѣтомъ, когда ѣзда въ пролеткахъ не совсѣмъ удобна для угостившихся до такой степени, ихъ провожалъ поочередно мой отецъ. Однажды, когда употчиваннаго Ф. . . . : везли отъ насъ черезъ базаръ, около котораго онъ жилъ, съ его болтавшей головы слетѣла камилавка. Кромѣ пьянства Ф. . . . отличался еще взяточничествомъ, онъ бралъ всѣмъ, чѣмъ только можно, деньгами, мѣхами, яйцами, масломъ, но въ важныхъ дѣлахъ исключительно золотою монетою. Особенно сильно наживался онъ отъ своего миссіонерства, и однажды, когда онъ зимою возвращался отъ бурятъ, лошади провалились сквозь ледъ на Ушаковкѣ; пришлось стогнать народъ, чтобы вытащить тяжелый возокъ, который оказался набитымъ доверху мѣхами, мясомъ, рыбой, масломъ. Впрочемъ, такъ дѣлали всѣ миссіонеры, по всей Сибири. Духовные пили почти такъ же сильно какъ Ф. . . . Товарищъ моего отца былъ пьянъ буквально каждый день и потому очень часто попадалъ подъ запрещеніе. Пропивъ такимъ образомъ всю жизнь, начиная съ ранней молодости, онъ до старости какъ-то сохранилъ свои силы, и когда ему было уже лѣтъ 50, когда лѣтъ 20 онъ былъ уже женатъ, по поводу рожденія новаго ребенка онъ говорилъ мнѣ: «чортъ знаетъ, и откуда это ребята берутся!».. Нѣкоторые допивались до идиотизма, и я помню Пр., Гр., Пѣт., П., дѣти которыхъ были невообразимыми тупицами, а сынъ перваго — чистый идиотъ. Отцы ихъ пили цѣлую жизнь, кромѣ втораго, который современемъ бросилъ водку. Это былъ рѣдкій примѣръ, и я припомню только дьякона Г. Онъ былъ вдовецъ; здоровый, какъ быкъ, онъ пилъ ужасно, скандалил, дрался, разбивалъ публичные дома. Потомъ онъ куда-то исчезъ изъ Иркутска, и когда черезъ нѣсколько лѣтъ появился снова монахомъ, его нельзя было узнать: это былъ настоящій аскетъ. Большинство же пило съ дѣтства, по крайней мѣрѣ съ юности, вплоть до гробовой доски. Многихъ ссылали въ монастыри, запрещали, разстреливали, но эти несчастные наказывались лишь потому, что не могли или не умѣли откупиться, люди же зажиточные кутили и безобразничали совершенно безнаказанно, какъ, на примѣръ, Ф. . . . или Ш—нъ. Въ этомъ Ш. было, вѣроятно, пудовъ 15 вѣсу, такъ онъ былъ жирень. Сцена: гулянье за городомъ на Ушаковкѣ; компанія, напившись, сидитъ подъ кустами, пережидая набѣжавшую грозу, а Ш—нъ голый лежитъ на спинѣ въ рѣчкѣ; изъ воды высовывается, какъ куполь, его чрево. Онъ кунается, и послѣ cadaго удара грома, какъ новый Прометей, кричитъ Зевсу-громовержцу: «Валяй», слѣдуютъ ужасныя ругательства. «Еще, еще»... новое изреченіе хулы! Компанія хохочетъ, протопопъ тоже хохочетъ. Большая часть свѣтскихъ знакомыхъ отца тоже страшно пили, какъ смотритель канцелярскаго училища Кр—кинъ, запившійся до смерти; учитель гимназіи Ф—финъ, образованный чиновникъ и музыкантъ Л—скій; извѣстный ориенталистъ Банзаровъ и учитель семинаріи К—севичъ тоже записались до смерти; директоръ тальцинской фабрики М., славившійся своею жестокостью частный приставъ П—гринъ, горный чиновникъ Я—въ тоже пили, а З—й,

бывшій одно время исправникомъ, выпивалъ ежедневно чуть не 2 штофа; у него были особыя, жестыныя манерки, одна меньше другой, и онъ употреблялъ ихъ въ теченіи дня такъ: утромъ передъ чайкомъ самую маленькую, послѣ чайка побольше, затѣмъ еще побольше и т. д. и, наконецъ, на сонъ грядущій выпивалъ самую объемистую. Словомъ, это было пьяное царство, въ которомъ водка служила главнымъ наслажденіемъ. Въ какое время ни являлся посѣтитель, раннимъ утромъ, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, вечеромъ,—на столъ немедленно подавался графинъ водки съ закуской, и хозяинъ съ гостемъ примѣрно каждые полчаса выпивали по рюмкѣ. Когда опорожнялся одинъ графинъ, подавали другой. Иногда гость сидѣлъ цѣлый день съ утра до ночи, иногда даже ночевалъ, напившись до безчувствія. Отецъ иногда не бывалъ дома по суткамъ, и всѣ мы ждали его въ тревогѣ: пьяный, онъ ко всѣмъ придирался, бранился, даже пускалъ чѣмъ случится въ того, на кого разсердится.

Да и какъ было не пить въ этой высшей степени скучной и монотонной жизни, гдѣ все сводилось только къ интересамъ брюха. Даже постоянныя шатанія по гостямъ развлекали мало, такъ какъ и въ гостяхъ въ сущности было то же, что дома. Всѣ добывали по мѣрѣ силъ своихъ и ловкости кусокъ хлѣба, потомъ ѣли этотъ кусокъ, спали, женились, посягали и пили. Въ большіе церковные и семейные праздники, на примѣръ, именины, пили и ѣли усиленно, и только. Пили на именинахъ, пили на крестинахъ, пили на похоронахъ, пили по случаю «монаршей милости», т.-е. награды, но изъ всѣхъ этихъ пирушекъ особеннымъ безобразіемъ отличались свадьбы. Тутъ перепивались даже непившіе въ другое время, женщины. Молодые ложились спать, когда гости еще не разъѣхались; затѣмъ, молодыхъ поднимали, и происходилъ извѣстный обрядъ чуть не публично; если оказывалось все благополучно, гостямъ разливали вино и тысячекъ громогласно поздравляли всѣхъ «съ общимъ благополучіемъ». Не знаю, что происходило въ иномъ случаѣ, помню только, какъ мать такой молодой тутъ же начала засовывать ей булавки за ногти и пытаться ее, добиваясь признанія о потерѣ невинности. Изъ церковныхъ праздниковъ самымъ разгульнымъ было Рождество, съ его играми, подблюдными пѣснями, гаданьями; пасха съ качелями, и домашними и публичными. Въ послѣдній день масляной послѣ вечерни всѣ ѣздили прощатся къ роднымъ, причемъ непременно кланялись въ ноги, затѣмъ, по возвращеніи домой такимъ же манеромъ прощались члены семейства; сначала дѣти кланялись родителямъ, потомъ жена мужу, наконецъ мужъ женѣ. Посты соблюдались строго, и даже люди богатые, въ родѣ какой-нибудь Селифонтьевны, у которыхъ въ торжественные дни лилось шампанское и подавались изысканныя французскія блюда, въ посты питались рѣдкой съ квасомъ да ухаю изъ протухшихъ, дурно просоленныхъ омулей. Въ дни заговѣнья и разговѣнья всѣ обжирались. «Родительскій день», во вторникъ послѣ пасхи, сохранялъ въ Иркутскѣ свой первобытный языческій характеръ: пеклись блины, варились яйца и кутья, и съ послѣднею весь городъ слѣшилъ на кладбище, на гору, служить панихиды. Гора усѣяна народомъ, молятся, поютъ, закусываютъ, разносчики продаютъ квасъ, пряники, конфекты, а на сосѣдней съ кладбищемъ нагорной равнинѣ — конскіе бѣги. Собственно общественныхъ развлеченій для большинства горожанъ, на примѣръ театра, въ то время еще не было и лишь изрѣдка устраивались любительскіе спектакли; на двухъ изъ нихъ я былъ съ матерью. Былъ еще въ циркѣ Либгарда, существовавшемъ недолго. Пошли

мы съ С—вымъ и взяли какую-то ложу: наѣзники скакали, лошадь плясала и изъ пистолета стрѣляла; все было для насъ такъ интересно, что С—въ ни за что не хотѣлъ уйти до конца представленія, хотя у бывшего съ нимъ ребенка страшно разстроился желудокъ и папашѣ пришлось подбирать всѣ послѣдствія отъ него въ свой платокъ и класть въ карманъ... вмѣсто спектаклей горожане развлекались зрѣлищемъ столь частыхъ въ то время солдатскихъ учений, парадовъ и разводовъ, привлекавшихъ массы зрителей. Не менѣе народа привлекало гоняніе солдатъ сквозь строй и наказаніе на эшафотѣ кнутомъ, или на кобылѣ плетми уголовныхъ преступниковъ. Были любители, не пропускавшіе ни одного изъ такихъ представленій. Впослѣдствіи, когда тѣлесныя наказанія были уничтожены и оставлены только для ссыльныхъ, наказываемыхъ при полиціи, одинъ изъ такихъ любителей, старикъ Ш—ръ въ Красноярскѣ, ѣздилъ въ полицію каждый разъ, какъ тамъ кого-нибудь драли. Однажды, когда я былъ уже въ семинаріи, наказывали шпицрутенами на смерть какихъ-то убійць, и на эту ужасную сцену любовались даже многія дамы, между прочимъ актриса Николаева. Да и какъ было не огрубѣть чувству, не оступѣть нервамъ, когда, бывало, только и видишь, что кого-нибудь порютъ, слышишь дробь барабана, свидѣтельствующую, что ведутъ преступника на эшафотъ или гоняютъ солдата сквозь строй.

Да, я охоту на двуногихъ
Засталъ еще въ ребячествѣ моемъ,
Слыхалъ я вопли стариковъ убогихъ
И женщинъ, засѣкаемыхъ кнутомъ.

Домъ моего отца былъ подлѣ казармъ, и ежедневно слышались вопли наказываемыхъ. Семинарія стояла недалеко отъ казачьихъ казармъ, и тѣ же вопли нерѣдко доносились до насъ во время классовъ. Однажды мы видѣли, какъ въ среду собраннаго казачьяго полка ввели древняго старика съ огромною сѣдою бородой и длиннѣйшими сѣдыми волосами, и начали сѣчь: товарищи мои считали удары, и насчитали 500. Подобныя сцены потрясали весь мой организмъ, но невозможно было не наткаться на нихъ. Одинъ разъ я заглянулъ въ щель на дворъ сосѣднихъ казармъ, думая, что тамъ ученье, но увидѣлъ батальоннаго командира Попова, а у ногъ его лежащаго связаннаго солдата, котораго жестоко сѣкли, и вся спина его мнѣ показалась черною, какъ уголь; весь тотъ день я не могъ ѣсть. Другой разъ, встрѣтивъ своего пріятеля, солдатскаго сынишку, я пригласилъ его играть, но онъ отказался, говоря, что нужно идти домой. «Зачѣмъ?» — «Сегодня тятку сквозь строй гоняли». Я такъ и задрожалъ и долго думалъ, что было бы со мной, если-бы и моего отца сегодня сквозь строй гоняли. У меня какъ-то сжималось сердце каждый разъ, когда, идя въ классъ мимо той площади, на которой наказывали преступниковъ, я видѣлъ на ней черную массу приготовленнаго эшафота. Однажды, проходя мимо площади, я увидѣлъ толпу народа, изъ среды которой блестяло нѣсколько штыковъ; эшафота не было; мнѣ захотѣлось узнать, что это за сборище, и я подошелъ: частный приставъ Пашиниковъ читалъ приговоръ стоявшей передъ нимъ и дрожавшей, какъ осиновый листъ, молоденькой, хорошенькой дѣвушкѣ. Я былъ ошеломленъ и ничего не слышалъ изъ приговора, кромѣ выведшихъ меня изъ оцѣпенѣнія заключительныхъ словъ:... «и за прелюбодѣяніе наказанію плетми чрезъ палачей». Я побѣжалъ домой, какъ будто за мной кто гнался. Случай замѣчательныхъ наказаній

давали значительный матеріалъ для разговоровъ между знакомыми, и я помню, какъ однажды какой-то гость отца, придя съ площади, рассказывалъ о наказаніи кнутомъ, критически оцѣнивая приемы палача, какъ оцѣниваютъ игру музыканта или гимнаста. Многіе начальники въ городѣ отличались крайнею, даже для того времени, жестокостью, какъ маіоръ П., частный приставъ Ин—нъ, полиціймейстеръ Кор—невскій, квартировавшій вверху у С—ва командиръ казачьяго полка М. Послѣдній, недовольствуясь ежедневными истязаніями въ казармахъ, упражнялся еще дома на конюшнѣ и за каждую малость прогнать казаковъ чуть не до смерти. Въ числѣ подобныхъ господъ были настоящіе артисты-изобрѣтатели, какъ, на примѣръ, бывшій начальникъ солевареннаго завода Иванъ Яковлевичъ К—ловъ, о которомъ отецъ рассказывалъ мнѣ, что онъ для удержанія каторжниковъ отъ побѣговъ разрывалъ имъ пятки и, насыпавъ въ рану рубленой щетины, заживлялъ пятки съ помощію лекаря; послѣ этого каторжнику даже ходить было больно, а о бѣганьѣ нечего было и думать. Розги въ то время употреблялись даже въ медицинѣ и, напр., солдатъ, больныхъ сифилисомъ, прежде всего пороли, а потомъ уже начинали лечить. До 10 лѣтъ со мной случалось то, что бываетъ съ дѣтьми съ неукрѣпившимся организмомъ. Однажды у насъ былъ докторъ Николай Ивановичъ Тороповъ, и когда отецъ, по поводу упомянутой моей слабости, спросилъ у него совѣта, тотъ отвѣчалъ коротко и ясно: «выпороть, и баста!» Всего печальнѣе то, что въ тогдашнихъ рассказахъ о чрезвычайныхъ жестокостяхъ никто не выражалъ отвращенія къ нимъ и о нихъ говорили съ интересомъ, только какъ о явленіяхъ, выходящихъ изъ ряда вонъ. Немудрено, что и во мнѣ явилась какая-то склонность къ жестокости; когда мнѣ было 10 лѣтъ, я только и мечталъ, какъ бы повѣсить какую-нибудь собаку и заблаговременно приготовить петлю. Попался щенокъ, и я повѣсилъ его, но какъ только онъ захрапѣлъ и какъ-то страшно повелъ выпученными глазами, меня охватилъ такой ужасъ, что я немедленно освободилъ его изъ петли. Всѣ приведенные мною случаи развили во мнѣ такое органическое отвращеніе ко всякому насилію, что когда я слышу или читаю что-нибудь о жестокостяхъ, то мнѣ иногда буквально дѣлается больно.

БѢГЛЫЕ И СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО.

Бѣглые, повѣсть Л. Симоновой («Живоп. Обозр.», т. I и II, 1882 г.).

Темою очерковъ г-жи Симоновой является жизнь на границахъ Сибири, въ Верхотурскомъ и другихъ уѣздахъ Пермской губерніи. По условіямъ и обстановкѣ эта жизнь весьма близка къ Сибири. Тѣ же дѣвственные лѣса, тѣ же крестьянство, не знавшее крѣпостнаго права, патріархальныя нравы, инородческій элементъ и даже бѣглые составляютъ характерную особенность этой мѣстности. По этимъ очеркамъ г-жу Симонову можно причислить ближе къ сибирскимъ писателямъ. Судя по тому, что писательница провела нѣсколько лѣтъ въ данной мѣстности и имѣла возможность изучить мѣстный крестьянскій бытъ, мы въ правѣ питать къ ней полное довѣріе, а очерки ея для знающихъ мѣстный бытъ дышатъ художественной правдой. Темою настоящей повѣсти является жизнь бѣглыхъ, стремящихся изъ Сибири за Уралъ. Рассказъ этотъ представляетъ нѣчто особенный текущій интересъ въ виду возникшихъ разнорѣчивыхъ сужденій о характерѣ бродягъ и отношеній къ нимъ сибиряковъ. Г-жа Симонова взялась въ художественномъ очеркѣ воспроизвести

всѣ психическія ощущенія, какія переживаетъ бѣглый, всю массу случайностей, которыя онъ встрѣчаетъ на своемъ пути, наконецъ всѣ коллизіи этого драматическаго странствія. И благодаря тому, что авторъ хорошо вдумался въ предпринятую имъ задачу, она вышла удачно, чѣмъ многіе другіе очерки, которые претендуютъ даже на этнографію (напримѣръ очеркъ пресловутаго Благовѣщенскаго). Г-жу Симонову нельзя обвинить въ безчувствіи къ несчастнымъ странникамъ, она гуманно слѣдитъ за ихъ участью, ея рассказъ полонъ теплоты. Ея бродяги, Силантьевъ и Ивановъ, встрѣтившіеся на границѣ Сибири, добродушные и не жестокосердые люди, это довольно мирные типы, ихъ участь, блужданіе въ лѣсахъ, голодь, муки, постоянная душевная тревога съ тоскою по роднымъ, съ тоскою по родинѣ, возбуждаетъ въ читателѣ состраданіе и заставляетъ слѣдить за судьбою бѣглецовъ. Вѣчная боязнь, вѣчный страхъ, доходящій до галлюцинацій, переданъ правдиво и живо. Они, повидимому, не ищутъ преступленій, но это не мѣшаетъ автору въ то же время войти въ положеніе крестьянъ, иногда страшящихся бѣглыхъ. Добрыя чувства крестьянства и состраданіе крестьянской души переданы авторомъ мѣтко. Г-жа Симонова приводитъ, какъ крестьяне готовы помочь бѣглому, когда онъ не проказитъ; она описываетъ укореившіеся обычай милостыни бѣглымъ, практикуемый во всей Сибири и на Уралѣ. Эти чувства и взгляды крестьянства она передаетъ въ прекрасномъ образѣ старика, встрѣчающаго бѣглыхъ. Но рядомъ съ этимъ она не упускаетъ изъ виду тѣхъ стимуловъ и положеній, которые въ исключительныхъ случаяхъ создаютъ такого рода поступки, что заставляютъ на бродягъ смотрѣть иначе, возбуждая въ населеніи негодованіе и озлобленіе. Самы бѣглецы, полуголодные, безъ одежды, раздраженные неудачами, въ рассказѣ автора являются не всегда кроткими агнцами. Эти бѣглецы пасуютъ и трусятъ, когда слышатъ колокольчикъ становаго, или проѣзжаго, въ то же время отбираютъ отъ встрѣтившагося крестьянскаго парня азамъ и шанку со смѣхомъ и издѣвательствомъ, и положеніе этого крестьянскаго ребенка не можетъ также не вызвать сочувствія. Мало того: бродяга Ивановъ парню читаетъ нотацию, что если онъ ихъ выдастъ, то несдобровать деревнѣ, ее выжгутъ, достанется и маткѣ парня, Агафѣ (стр. 31). Тѣ же бродяги обираютъ инородца-вогулича и смѣются надъ его страхомъ. Бѣглецы заходятъ подъ видомъ странниковъ на постоялый дворъ, пользуются гостепримствомъ и исчезаютъ наутро, укравъ нимы. Они встрѣчаютъ также сборщика на погорѣлую церковь и грабятъ его. На ихъ языкѣ это не считалось преступленіемъ. При всемъ этомъ авторъ вполне выдерживаетъ тонъ и даже готовъ смягчить многое изъ дѣйствительности. На стр. 50 и 51 она передаетъ, что крестьянство не въ претензіи, даже если бѣглецы воруютъ хлѣбъ ночами въ избахъ, только бы не захватили чего-либо кромѣ того. Изъ рассказа видно, что похищенія однако не ограничиваются хлѣбомъ, голый человѣкъ зарится и на рубахи, онъ не прочь отъ денегъ, онъ покупаетъ вино, а Иванову снятся сны, что онъ «ловить бабъ». Все это рисуетъ, что бѣглецы не такъ невинны, какъ съ перваго раза кажутся. Г-жа Симонова рисуетъ страхъ и цѣлую драму въ Заводскомъ селеніи. Въ одномъ изъ ея очерковъ передано несчастіе сожженной ссыльными деревни. Въ настоящемъ рассказѣ выступаетъ еще болѣе острая драма. Въ Заводскую деревню прибѣгаетъ опозоренная, изодранная и обезчещенная крестьянская молодуха Аксинья. Ее поймалъ бѣглый близъ селенія; обезчестивъ ее, надругавшись, онъ взялъ съ нея слово принести хлѣба, иначе угрожалъ сжечь всю деревню. Понятно, какой ужасъ охватываетъ крестьянъ. Крестьянскій міръ дѣлится. Трусливые и индифферентные

готовы даже покориться приказанію бѣлаго: «Выслать варнаку хлѣба!» Другая часть крестьянъ исполняется однако негодованія. Мужъ Аксиньи является болѣе всѣхъ чувствующимъ обиду. Еще не было мѣсяца, какъ онъ повѣнчался. Въ немъ кипѣла кровь отъ этого оскорбленія^{*)}. Но не одинъ онъ—были возмущены этимъ происшествіемъ и свекоръ и родня; не менѣе негодовали и остальные, — у всѣхъ были хозяйки, дочери. При такихъ условіяхъ, само собою, зрѣла драма и она должна была произойти. Отношеніе къ бѣглецамъ должно было измѣниться. Въ концѣ должны были явиться столкновеніе и жертвы борьбы. Жертвами этими съ одной стороны являются герои рассказа, поплатившіеся за своего собрата, счастливо убрывшагося послѣ преступленія. Бродяги и Силантьевъ за поисками хлѣба рѣшились сдѣлать новую экскурсію и влѣзли ночью въ окно, гдѣ жила семья Аксиньи. Деревня была насторожѣ. Мужъ не спалъ, мрачныя думы бродили у него. Началась тревога. Бѣглыхъ окружили, какъ виновниковъ вчерашняго преступленія. Тѣ отбиваются какъ дикіе звѣри и Силантьевъ ранитъ ножомъ Василія. Бродяги были взяты, но пролилась и крестьянская кровь, бѣглецы убили человѣка. Въ этой драмѣ мѣстная картина встаетъ живо, она само собою рисуетъ тѣ положенія, которыя создаетъ жизнь. Можно ли здѣсь винить крестьянство? Развѣ оно не можетъ жалѣть своихъ женъ, сестеръ и матерей? А поступки бродягъ, развѣ они безупречны? Положимъ, бродяги находятся въ исключительныхъ, тяжелыхъ условіяхъ. Но легче ли отъ этого тѣмъ, кто платится за это? Все это мы вспоминаемъ по поводу обвиненій крестьянъ за Ураломъ въ жестокосердіи и по поводу идеализаціи бродягъ.

Жизнь народа для насъ тайна, мы не знаемъ, какія часто противоположныя и какія потрясающія сцены создаетъ дѣйствительность. Здѣсь нѣтъ сентиментализма. Въ подтвержденіе реальныхъ очерковъ г-жи Симоновой, мы расскажемъ одинъ менѣе драматическій случай въ одной сибирской казачьей станицѣ, переданный очевидцемъ изъ воспоминаній дѣтства. Однажды въ станицѣ взяты были начальствомъ два бѣглыхъ и отданы подъ присмотръ деревни. Ихъ посадили въ станичную избу и поставили сторожемъ молодого казаченка. Присмотръ былъ слабый, несчастнымъ принесли хлѣба, шанегъ и успокоились, но они воспользовались довѣріемъ и патриархальностью караула и бѣжали. Мужчины станицы были всѣ на работѣ, оставались женщины. Возвратившись, они встрѣтили бабій вопль. Особенно вопіяла мать казаченка лѣтъ 17-ти, сторожа, зная, что его забьетъ начальство. Это былъ единственный сынъ, тогда существовалъ еще «сквозь строй». Казаки, являсь домой, встревоженные горемъ, рѣшились сдѣлать облаву и отыскать бѣглыхъ. Ихъ нашли въ болотѣ, одинъ былъ съ ножомъ и не подпускалъ къ себѣ, онъ бросалъ этотъ ножъ на ремнѣ. Тогда одинъ казакъ подобрался въ воду и ударилъ его огромной палкой. Бѣглыхъ взяли, ожесточенная борьбой и упорствомъ ватага казаковъ избилла бѣглыхъ. Но вотъ они пойманы, чувство негодованія умолкло. Вечеромъ вывозили ихъ за сильнымъ конвоемъ изъ селенія. Станица преобразилась, говорилъ свидѣтель, на телѣгахъ везли бѣглыхъ, одѣтыхъ въ новыя рубахи. Казачки бѣжали и бросали къ нимъ хлѣба, нѣкоторыя несли холстовъ. Чувства разомъ измѣнились, избитые, въ синякахъ, эти люди стали предметомъ состраданія, почитаются чуть не угодниками. Они какъ будто искупили свою вину. Какъ мученики, они качались на своихъ телѣгахъ, а кругомъ ихъ лились слезы. Мать сторожа казаченка упала въ

^{*)} Подобныя насилія бродягами надъ женщинами въ сибирскихъ деревняхъ весьма нерѣдко повторяются.

ноги. «Батюшки, простите насъ, вы сыночка моего чуть не погубили!» Это было зрѣлище потрясающее. Все было прощено, забыто. Разгадайте этотъ психологическій фактъ! Только народъ въ непосредственномъ чувствѣ правды и всепрощенія можетъ возвышаться до этихъ моментовъ. Нѣтъ, не вамъ, сантиментальные книжники, винить крестьянство. Прежде чѣмъ винить народъ, надо узнать его душу!

Семилужинскій.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

На-дняхъ обвинительный актъ противъ Араби-наши будетъ оконченъ и начнутся засѣданія военнаго суда. Араби-наша будетъ судимъ на основаніи египетскихъ законовъ. Адвокатъ, избранный наконецъ Араби-нашею, Маркъ-Эпиръ протестовалъ противъ обязательства прочесть защитительную рѣчь на арабскомъ языкѣ. Вообще же предводители мятежа, которыхъ будутъ судить военнымъ судомъ, раздѣлены на три категоріи. Первыми передъ судомъ предстанутъ лица, обвиняемая въ организациі избіеній христіанъ и въ соучастничествѣ въ этомъ преступленіи; вторыми — виновные въ сожженіи Александріи, и третьими лица, злоупотреблявшія парламентарскимъ флагомъ. Обвинительный актъ будетъ представленъ на утвержденіе англійскаго правительства вмѣстѣ съ увѣдомленіемъ объ открытіи судоговоренія. Съ тремя полковниками, арестованными на-дняхъ внутри страны, всѣхъ подсудимыхъ 384 человекъ. Финансы Египта находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. За исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, Россіи, Португаліи и Даніи всѣ государства, имѣющія представителей въ «международной комисіи» и связанныя съ Египтомъ значительными торговыми интересами, высказались въ пользу декрета хедива, которымъ платежи по векселямъ отсрочиваются на три мѣсяца. Въ отвѣтъ на запросъ султана о времени возвращенія англійскихъ войскъ изъ Египта, англійское правительство отвѣтило уклончиво, именно: по приведеніи страны въ порядокъ и въ полное спокойствіе. Султанъ, не удовлетворясь такимъ отвѣтомъ, готовитъ англичанамъ новую поту. Египетскія власти объявили, что въ странѣ господствуетъ уже полный порядокъ и безопасность, но европейцы, возвращающіеся въ Египетъ, говорятъ, что нѣкоторый порядокъ существуетъ только въ пунктахъ, гдѣ находятся англійскія войска, во внутренніе же города проникать опасно. По слухамъ, европейцы, прежніе жители страны, намѣрены подать петиціи, гдѣ будетъ выражена просьба, чтобы въ болѣе значительные пункты были посланы отряды войскъ.

— Подробностей о сирійскихъ беспорядкахъ пока еще нѣтъ. Извѣстно только, что Порта посылаетъ къ берегамъ Сиріи эскадру, состоящую изъ двухъ панцирныхъ судовъ и трехъ корветовъ. Эскадрѣ разрѣшено крестировать, не вступая въ Красное Море.

— Въ Австріи, происшедшіе въ трехъ городахъ антиеврейскіе беспорядки прекращены, что видно изъ официальнаго отчета Пресбургской администраціи. Во всѣ города Австріи разосланъ циркуляръ о принятіи мѣръ къ предотвращенію беспорядковъ. По слухамъ, учреждаются три генералъ-губернаторства: въ Вѣнѣ, Пештѣ и Прагѣ. Въ виду могущихъ произойти внѣшнихъ событій будто-бы предполагается укрѣпить Вѣну. Австрійскія газеты толкуютъ о неизбежности столкновенія между Австріей и Россіей и о союзѣ Австріи съ Румыніей, Сербіей и Болгаріей, къ враждебному лагерю причисляется только Черногорія. Последнее мнѣніе вѣроятнo поддерживается и правительствомъ, такъ какъ при проѣздѣ князя Николая ему былъ оказанъ до того холодный приѣмъ,

что онъ можетъ сравниться съ оскорбленіемъ. Въ отношеніи князя не было соблюдено внѣшнихъ приличій, соблюдаемыхъ обыкновенно въ отношеніи коронованныхъ и владѣтельныхъ особъ, путешествующихъ явно или инкогнито. Повстанцы въ Босніи и Герцеговинѣ усиливаются новыми бандами, кривошанскіе повстанцы, обезоруженные въ Черногоріи, ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія князя Николая, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ привезти разрѣшеніе австрійскаго правительства возвратиться имъ въ прежнія мѣста жительства. Ожиданія ихъ не оправдались и потому, будто бы, они требуютъ возвращенія имъ ихъ оружія. По слухамъ, къ австрійскому правительству обратилась Румынія съ указаніемъ, что Россія, предпринявъ измѣреніе дунайскаго гирла, нарушила права Румыніи и берлинскій договоръ. Есть слухи, что въ Софіи произойдетъ личное свиданіе королей румынскаго, сербскаго и князя болгарскаго, съ цѣлью сблизить взаимные интересы и укрѣпить дружескія отношенія государствъ.

— По слухамъ, вслѣдствіе многолѣтняго настоянія князя Бисмарка, императоръ Вильгельмъ склоняется въ пользу назначенія графа Гацфельда имперскимъ статс-секретаремъ и прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Графъ Гацфельдъ преданное лицо Бисмарка, который и считается его руководителемъ. Слухъ объ этомъ назначеніи очень встревожилъ иностранную печать, она видитъ въ немъ знаменіе времени. Положимъ, что канцлеръ признаетъ своевременнымъ измѣнить миролюбивое направленіе настоящей политики Германіи, и что осложняющіяся отношенія между Франціей и Англіей обращаютъ на себя слишкомъ зоркое вниманіе канцлера. Будущимъ германскимъ посломъ въ Константинополь вмѣсто графа Гацфельда называютъ фонъ-Радовица. Берлинская печать агитируетъ въ пользу войны Германіи съ Россіей и превращенія Польши въ автономное государство.

На островѣ Исландіи свирѣпствуетъ страшный голодъ, отъ котораго многіе жители уже умерли. Если населенію не будетъ оказана немедленная помощь, то на островѣ не останется ни одного человекъ въ живыхъ. Къ несчастію, островъ до того плотно окруженъ льдинами, что добиться доступа къ нему весьма трудно. Въ Даніи, Швеціи, Норвегіи, Англии и Америкѣ открыта подписка въ пользу несчастныхъ исландцевъ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ свое время мы сообщали о близящейся къ окончанію постройкѣ, на средства г. Полякова, зданія коллегіи Императора Александра II и объ условіяхъ поступленія въ коллегію студентовъ. 3-го октября послѣдовало освященіе коллегіи, причемъ принято уже 20 студентовъ. Остается 80 вакансій для желающихъ помѣститься въ коллегіи бесплатно и 50 вакансій для своекоштныхъ, съ платою по 300 р. въ годъ. Обѣдавшіе въ день освященія студенты, числомъ около двухсотъ, поднесли г. Полякову благодарственный адресъ.

— Какъ-бы въ отвѣтъ на упорные слухи о закрытіи женскихъ медицинскихъ курсовъ въ печати появилось нѣсколько благодарственныхъ адресовъ различныхъ крестьянскихъ обществъ оказавшимъ услуги женщинамъ - врачамъ. Кромѣ многихъ частныхъ, мелкихъ пожертвованій, какъ телеграфируютъ «Голосу», одна изъ представительницъ московскихъ торговыхъ фирмъ пожертвовала капиталъ въ 500,000 рублей въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ. Если это извѣстіе вѣрно, то судьба курсовъ обезпечена.

— Предполагается разрѣшить медикамъ-стипендіатамъ замѣнять натуральную повинность службы при земскихъ или казенныхъ учрежденіяхъ, откуда они получили стипендію, денежнымъ взносомъ.

— «Новостямъ» сообщаютъ, что вопросъ о постройкѣ Екатеринбургско-тюменской желѣзной дороги окончательно рѣшенъ. Постройка будетъ производиться казеннымъ спосо-

бомъ. Управленію по сооруженію казенныхъ дорогъ уже переданы все документы, относящіеся къ этой постройкѣ.

— 4-го октября состоялось второе чтеніе Н. Н. Миклухи-Маклая, въ большой залѣ Императорскаго техническаго общества, что дало возможность собраться весьма многочисленной публикѣ. Подробные отчеты о сообщеніяхъ путешественника печатаются въ газетѣ «Голосъ». По окончаніи чтенія предѣдатель географическаго общества П. П. Семеновъ, обратившись къ публикѣ, опровергъ слухи, пропикшіе въ печать объ отказѣ географическаго общества ассигновать сумму на изданіе сочиненій Миклухи-Маклая. Г. предѣдатель сообщилъ, что г. Маклай не обращался къ обществу съ таковымъ ходатайствомъ и во всякомъ случаѣ общество, по ограниченности средствъ, можетъ быть только посредникомъ между путешественникомъ и русскимъ правительствомъ и обществомъ, для чего оно и вступило въ сношеніе съ Миклухо-Маклаемъ уже два года тому назадъ.

— Министромъ финансовъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждено раздѣленіе Россіи по разрядамъ (исключая Туркестанскій край), для выдачи патентовъ на продажу табаку по новому табачному уставу, вводимому съ 1-го января 1883 года. Къ 1-му разряду отнесены: обѣ столицы, Варшава съ Прагою, Одесса и Рига; ко 2-му—все губернскіе и портовые города, и изъ уѣздныхъ: Аккерманъ, Бердичевъ, Бобруйскъ, Болховъ, Брестъ-Литовскъ, Динабургъ, Екатеринбургъ, Елецъ, Елисаветградъ, Козловъ, Коломна, Кременчугъ, Лодзь, Моршанскъ, Омскъ и Рыбинскъ, и къ 3-му—все остальные мѣстности имперіи.

— Въ числѣ постановленій сѣзда поморовъ Архангельской губерніи называютъ слѣдующія: о воспрещеніи ввоза на промыслы норвежскаго рому и вообще крѣпкихъ напитковъ, о торговлѣ съ норвежцами рыбою безъ посредства скупщиковъ и о выборѣ изъ среды себя 10 добросовѣстныхъ, которые по очереди наблюдали бы въ становищахъ за порядкомъ. Кромѣ того сѣздъ постановилъ ходатайствовать о разрѣшеніи имъ учредить общество взаимнаго страхованія судовъ и грузовъ и объ устройствѣ пріютовъ для рыбопромышленниковъ на пути слѣдованія ихъ изъ мѣста жительства на Мурманскій берегъ.

— Въ субботу, 9-го октября, исполнится пятидесятилѣтіе педагогической и литературной дѣятельности предѣдателя учебнаго комитета вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и инспектора классовъ петербургскаго Николаевскаго сиротскаго института М. Б. Чистякова. Почтенный юбиляръ—питомецъ московскаго университета, въ которомъ онъ окончилъ курсъ со степенью кандидата словесности въ 1832 году. Съ тѣхъ поръ онъ безъ перерыва, въ теченіи полустолѣтія, трудится на педагогическомъ и литературномъ поприщѣ.

— Надняхъ состоялось и обнародовано утвержденіе устава православнаго палестинскаго общества, учрежденнаго по соизволенію святѣйшаго синода съ исключительною ученою и благотворительною цѣлями. Обществу разрѣшено: собирать, разработывать и распространять въ Россіи свѣдѣнія о святыхъ мѣстахъ Востока, оказывать пособія православнымъ паломникамъ этихъ мѣстъ, учреждать школы, больницы и страннопріимные дома, а также оказывать матеріальное пособіе мѣстнымъ жителямъ, церквамъ, монастырямъ и духовенству.

— Наступившіе внезапно холода помѣшали во многихъ мѣстностяхъ посѣву озимей. Послѣ теплой осени въ нѣкоторыхъ уѣздахъ средней и восточной полосы Россіи морозы дошли до 10 градусовъ. Баржи, шедшія изъ Нижняго-Новгорода, застигнуты льдомъ.

— По словамъ «Новаго Времени», коммисія по составленію новаго гражданскаго уложенія уже открыла въ текущемъ году свои засѣданія. Первое состоялось 24 сентября и было посвящено докладу сенатора Пахмана о системѣ, которой слѣдуетъ держаться при пересмотрѣ и исправленіи нынѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ.

— Министерство путей сообщенія озабочено, какъ передаютъ «Голосу», устройствомъ сѣтчатыхъ плотинъ для углубленія Волги между Рыбинскомъ и Казанью до глубины семи-восьми четвертей.

— «Новое Время» передаетъ, что труды коммисіи по пересмотру мѣстныхъ учреждений, подъ предѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова въ настоящее время сосредоточены на окончаніи выработки общихъ правилъ главнѣйшихъ положеній реформъ мѣстнаго управленія. Въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ открытіе совѣщаній коммисіи въ полномъ составѣ членовъ послѣдней.

БИРЖЕВЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сегодня, 5 октября. Курсъ на Лондонъ на 3 мѣс. 24¹/₈ пенс. за рубль, на Парижъ 254¹/₄ сантим., на Гамбургъ 205⁵/₈ пфен. Полуимперіалы 8 р. 19 к., рубли серебр. 1 р. 40 к.; 5⁰/₁₀ бил. Госуд. Банка 1 вып. 95³/₄, 2 вып. 91⁵/₈, 3 вып. 91¹/₈, 4 вып. 90¹/₈, 5 вып. 90¹/₄. Восточный заемъ 89³/₄, 5⁰/₁₀ Первый выигр. заемъ 211¹/₂, Второй выигр. заемъ 205¹/₂. Облит. Сиб. гор. кред. общ. 85⁵/₈, Моск. гор. кред. общ. 85⁵/₈, 5⁰/₁₀ закл. лист. общ. взаим. позем. кред. (металл.) 129³/₄, кред. 83, 5¹/₂ 0/0 рента 98³/₄, закл. лист. земск. банка Херс. губ. 91³/₄, 6⁰/₁₀ закл. лист. Харьк. зем. банка 94, Тульск. зем. банка 94¹/₂, Моск. зем. банка 98³/₄, Тифлисск. зем. банка 86, Сар.-Симб. зем. банка 80¹/₄. Акц. Русск. для внѣшн. торг. банка 264, акц. Сиб. торг. банка 340, акц. Центр. банка русск. позем. кред. 56, акц. Сар.-Симб. зем. банка 34, акц. Русск. общ. парох. и торг. 735, акц. парох. общ. «Самолетъ» 185, акц. Главн. общ. Рос. ж. д. 249, акц. Юго-Зап. ж. д. 97, акц. Рыб.-Бол. ж. д. 60, акц. Гряз.-Цариц. ж. д. 85, акц. Курско-Кіевской ж. д. 229³/₄. Настроеніе биржи съ курсомъ тихое, съ бумагами слабѣе, 6⁰/₁₀ закл. лист. Сар.-Симб. зем. банка въ предложеніи по 80¹/₄.

ИЗВѢСТІЯ ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

выходятъ ежегодно въ размѣрѣ до 30 печатныхъ листовъ отдѣльными выпусками, въ неопредѣленные сроки, съ приложеніемъ картъ, чертежей и рисунковъ. Цѣна за годовое изданіе 3 руб. Подписка принимается въ городѣ Иркутскѣ, въ Восточно-Сибирскомъ Отдѣлѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Программа изданія:

I. Отчеты, краткіе и подробные, о совершенныхъ членами Отдѣла экспедиціяхъ и экскурсіяхъ съ цѣлью изученія Восточной Сибири и сопредѣльныхъ странъ въ научномъ, преимущественно географическомъ отношеніи.

II. Отдѣльныя самостоятельныя работы членовъ по научнымъ вопросамъ, имѣющимъ отношеніе къ географіи и естествознанію.

III. Годовые отчеты о дѣятельности Отдѣла.

IV. Протоколы засѣданій Распорядительнаго Комитета и Общихъ собраній.

V. Разныя извѣстія.

VI. Библиографія.

АКУШЕРКА (СИБИРЯЧКА),

окончившая курсъ при калининской больницѣ, желаетъ получить мѣсто въ Сибири. Адресъ: Редакція «Восточнаго Обозрѣнія», акушеркѣ Е. Л.